

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА А. А. ФЕТА

Обзор Б. Бухштаба

I

Судьба литературного наследства Фета крайне печальна. Издания его все неисправны. «Полное собрание стихотворений», по которому большинство современных читателей с ним знакомо, полно искажений, биография, библиография и хронология не разработаны, основные рукописные материалы утеряны, а принципиальные вопросы текстологии Фета запутались в какую-то головоломку, едва ли разрешимую вполне бесспорно.

Существуют следующие прижизненные и посмертные собрания стихотворений Фета:

1. Лирический пантеон. А. Ф. Москва. В типографии С. Селивановского. 1840. Цензурное разрешение — 20 сентября 1840 г.
2. Стихотворения А. Фета. Москва. В типографии Н. Степанова. 1850. 162, 4 стр. Цензурное разрешение — 14 декабря 1847 г.
3. Стихотворения А. А. Фета. СПб. В типографии Эдуарда Праца. 1856. 211, 2 стр. Цензурное разрешение — 11 февраля 1856 г.
4. Стихотворения А. А. Фета. 2 части. Издание К. Солдатенкова. Москва. В типографии Грачева и К°. 1863. 261, 8 и 386, 7 стр. Цензурное разрешение I части — 19 января 1863 г., II — 21 февраля 1863 г.
5. Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография А. Гатцука. 1883. 224, 4 стр. Цензурное разрешение — 28 декабря 1882 г.
6. Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография М. Г. Волчанинова. 1885. 57 стр. Цензурное разрешение — 25 октября 1884 г.
7. Вечерние огни. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 1888. 7, 69 стр. Цензурное разрешение — 18 ноября 1887 г.
8. Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография А. И. Мамонтова и К°. 1891. 70 стр. Цензурное разрешение — 31 октября 1890 г.
9. Лирические стихотворения А. Фета. В двух частях. СПб. Типография бр. Пантелеевых. 1894. 16, 333 и 357 стр.
10. Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Под редакцією Б. В. Никольского. 3 тома. СПб. Издание А. Ф. Маркса 1901. 112, 496; 18, 654; 8, 486 стр.
11. То же. 2-е издание. СПб. Издание т-ва А. Ф. Маркс. 1910.
12. Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Со вступительными статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского и с портретом А. А. Фета.

2 тома. Приложение к журналу «Нива» на 1912 г. СПб. Издание т-ва А. Ф. Маркс. 1912. 470 и 442 стр.

13. А. А. Фет. Избранные стихотворения. Под редакцией Л. М. Сухотина, Берлин. Книгоиздательство С. Ефрон, Б. г. 213 стр.

14. А. Фет. Стихотворения. Рисунки Вл. Конашевича. П. «Аквилон». 1922. 46 стр.¹.

Первый сборник Фета «Лирический пантеон» вышел из печати к 20-летию дня рождения его автора. Из этого сборника юношеских стихов в издание 1850 г. перешло только четыре стихотворения, а в издании 1856 г. и из этих четырех осталось только одно.

Собрания 1850, 1856 и 1863 гг. не являются отдельными сборниками с замкнутым составом стихов, но второе относится к первому, а третье ко второму, как переиздания со включением вновь написанных стихотворений и исключением признанных слабыми.

История издания 1850 г. такова:

В 1847 г. Фет получил возможность приехать на два месяца в Москву из полка, стоявшего в Херсонской губернии, где он провел безотлучно два года. За эти два месяца сборник был составлен, переписан, представлен в цензуру и разрешен ею к печати. Снова приехать в Москву Фет смог только в декабре 1849 г., чем и объясняется, что книга, разрешенная цензурой в конце 1847 г., вышла в начале 1850 г.

В течение двух лет Фет из своей херсонской глуши тщетно умолял московских друзей заняться его изданием. «Если бы я был там,—пишет он И. П. Борису 29 октября 1848 г.,—то в одну неделю все было бы в исправности, и неужели никто не может посвятить на это несколько часов, чтобы меня выручить. К Григорьевым я писал самые убедительные письма, но все напрасно» («Литературная Мысль», сб. I. 1923 г. Стр. 212. Ср. письма к нему же от 19 окт. 1848 г. и 29 мая 1849 г. О том же — в неизданных письмах к С. П. Шевыреву от 10 июля и 30 окт. 1848 г. в Гос. Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

К сожалению отсутствие чьей бы то ни было заботы об издании сказалось не только задержкой выхода на два года. Книга буквально кишит опечатками, и многие из них перешли во все последующие издания, вплоть до «Полного собрания стихотворений», так как последующие прижизненные издания тоже выходили без авторской корректуры², а посмертные — без серьезной текстологической обработки. Кое-какие из этих прошедших сквозь все издания опечаток вскрываются при сличении с журнальными публикациями, кое-какие конъектуры могут быть внесены и при отсутствии журнальных текстов,—но в ряде мест опечатки и неверная пунктуация создали темноту или двусмысленность, неустраимые теперь из фетовских текстов 40-х годов,—разве что найдутся рукописи ранних стихотворений.

Изданное в 1850 г. собрание разошлось в пятилетний срок. Новое издание было осуществлено по инициативе и под редакцией И. С. Тургенева. В своих воспоминаниях Фет пишет: «В последнее время [конец 1854 г. — Б. Б.] Тургенев стал настаивать на новом собрании моих стихотворений, так как издание пятидесятого года почти все разошлось. Он сам брался за редакцию, приглашая к себе в сотрудники весь литературный ареопаг. Конечно, мне оставалось только благодарить» («Мои воспоминания», I, 40). И дальше:

«Около этого времени [зима 1855 г. — Б. Б.], у меня завязалась оживленная переписка с Тургеневым. Он писал мне:

«Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров—словом весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. А так как вы пишете о значительном улучшении ваших финансов, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаем поручить нам новое издание ваших стихотворений, которые заслуживают самой ревностной очистки и красивого издания, для того, чтобы им лежать на столике вся-

А. А. ФЕТ В МОЛОДОСТИ

Литография А. Жаннена, 1850-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград

кой прелестной женщины. Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его».

«Конечно, я усердно благодарил кружок, и дело в руках его под председательством Тургенева закипело. Почти каждую неделю стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я несогласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: «один в поле не воин» — вынужден был соглашаться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным» («Мои воспоминания» I, 104 — 105).

Вопрос о разночтениях изданий 1850 и 1856 гг., об «увечьях», нанесенных фетовскому тексту Тургеневым, — основной и наиболее сложный вопрос текстологии Фета. Мы рассмотрим его ниже специально.

К 1863 г. потребовалось новое издание стихотворений. В нем Фет принял большее участие, чем в предыдущих. Сохранился список добавлений к изданию 1856 г., которые должны были войти в новое. Он написан неизвестной рукой, но с поправками Фета (ИРЛИ). Сохранился экземпляр издания 1856 г., в оглавлении которого Фет разметил перегруппировку некоторых отделов, действительно осуществленную в новом издании³.

Издание 1863 г. было единственным, предпринятым книгоиздателем, а не самим Фетом. Оно вышло в то время, когда отношение к Фету критики и публики резко изменилось, и если предыдущие издания расходились в пять-шесть лет, то солдатенковское не разошлось и в тридцать. Оно было выпущено, как видно из договора Фета с Солдатенковым (хранится в ИРЛИ), в 2 400 экземплярах.

В 1889 г. Фет писал Полонскому: «мое солдатенковское издание разошлось в течение 26-и лет только в тысяче двухстах экземплярах». И на обложке посмертных «Ранних годов моей жизни» (1893) издание 1863 г. значится «находящимся в продаже».

Таким образом надобности в переиздании стихов 40—50-х годов не было, и больше при жизни Фета они не переиздавались. Да и новые стихи Фет в течение двадцатилетия не выпускал сборниками и мало что печатал в журналах.

В 1882 г. Фет собрал стихи, накопившиеся за 20 лет, а частью и более ранние, не вошедшие в издание 1863 г., и издал новый сборник «Вечерние огни». За этим большим собранием последовали под тем же заглавием «Вечерние огни» через короткие промежутки времени еще три небольших сборника — от 30 до 60 стихотворений, накопившихся за 2—3 года. Все эти книги изданы в разных типографиях, но одинаково небрежно, неизящно и неисправно. Из сохранившегося счета типографии Э. Лисснера и Ю. Романа (ИРЛИ) видно, что тираж III выпуска «Вечерних огней» был 700 экз.; IV выпуск вышел в еще меньшем тираже⁴.

В предисловии к изданию 1894 г. сказано, что Фетом уже был подготовлен к изданию и V выпуск «Вечерних огней». Составлявшие его стихи вошли в посмертное издание.

II

Как уже сказано, основная текстологическая проблема, выдвигаемая изучением прижизненных изданий Фета, это проблема «тургеневских исправлений». Она остается наиболее трудной и спорной из всех проблем, связанных с литературным наследством Фета, несмотря на то, что ей посвящены три специальные статьи:

1. Ю. А. Никольский, «Материалы по Фету. I. Исправления Тургеновым фетовских «Стихотворений» 1850 г.» — «Русская Мысль» 1921 г., кн. 8—9, стр. 211—227 и кн. 10—12, стр. 248—262.

2. Д. Д. Благой, «Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета». — «Печать и Революция» 1923 г., кн. 3, стр. 45—64.

3. Н. П. Колпакова, «Из истории Фетовского текста». — «Поэтика». III. Л., 1927, стр. 168—187.

Первые две статьи основаны на изучении документа исключительной важности для текстологии Фета — так называемого «остроуховского экземпляра» издания 1850 г. Этот экземпляр был найден после смерти Фета в его библиотеке, принадлежал родственнику Фета И. С. Остроухову, в настоящее время хранится в архиве Третьяковской Галереи. Приступая к редактированию Фета, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание, и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по несколько вариантов — вероятно на выбор редактора. Часть этих вариантов была принята Тургеновым и вошла в издание 1856 г., часть была отвергнута, и потребовались новые варианты, — но дальнейшие требования Тургенева и тексты Фета посылались уже в письмах, не дошедших до нас. Таким образом остроуховский экземпляр отражает лишь первую, но наиболее значительную стадию работы над подготовкой нового издания⁵.

Текстологическая проблема заключается собственно в том, что считается основным имеет веские основания и ранний текст и поздний. Расхождение же между ними огромно. По количеству переделок издание 1856 г. является пример едва ли не уникальный в истории русской литературы. В издание 1850 г. входило 182 стихотворения. При подготовке издания 1856 г. около половины было исключено: перенесено в новое издание только 95 стихотворений; из них в прежнем виде 27, а в переделанном 68.

Следующее издание Фет выпустил еще в пору своей близости с Тургеновым—

в 1863 г. Кое-какие возвращения к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены последние строфы двух стихотворений и включено одно стихотворение из издания 1850 г., не вошедшее в издание 1856 г. В какой степени и это было деликатным делом, видно из предисловия к собранию, в котором Фет уверяет «друзей-поэтов, эстетическому вкусу которых он верил вполне, издание 1856 года», что «в подлежащие два тома вновь вошла всего одна пьеса, случайно ими забытая, из прежней его деятельности, а из последующей и всех переводов включены только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены». Так как никакого стихотворения, которое было бы напечатано до 1856 г. и не вошло в издание 1856 г., в этом собрании нет, то несомненно, что речь идет именно об единственном стихотворении, восстановленном по изданию 1850 г. («Давно ль под волшебные звуки...»). Только оно вовсе не было «случайно забыто» Тургеневым, а было недвусмысленно перечеркнуто им в остроуховском экземпляре.

После охлаждения отношений с Тургеневым и особенно после его смерти Фет не так отзывался об издании 1856 г. и редактировавших его друзьях. Его отзыв в «Моих воспоминаниях» (1890) — «изувеченное издание» — я уже цитировал. В более деликатной, но достаточно ясной форме Фет высказался о тургеневских исправлениях в предисловии к III выпуску «Вечерних огней» (1888). Перепечатан в этом сборнике из издания 1850 г. 6 стихотворений, исключенных из издания 1856 г. и «незаслуживающих такого исключения», Фет говорит по поводу последнего издания: «Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Можно, что называется, записать картину. Это случалось даже с позднейшими изданиями Тютчева, где алмазные стихи появились замененные сразами». А Тютчева, как известно, редактировал тот же Тургенев, и донныне против него существует настолько сильное подозрение в самоуправной переработке тютчевских стихов, что редактор последнего издания Тютчева (1933—1934) совсем обошел тургеневское издание, дав все стихи в ранних редакциях.

Но перед посмертными редакторами Фета, судя по предисловиям к их изданиям, не вставал вопрос о том, чтобы вернуться, хотя бы частично, к ранним редакциям. Они перепечатали текст издания 1863 г. и, так как вариантов ни одно издание Фета не давало, среди читателей Фета лишь единицам известны ранние, но не разрушенные посторонним вмешательством редакции его стихов. А что стихотворения зачастую оказывались разрушенными благодаря этому вмешательству, что исправления вели в сторону органически чуждую творческому пути Фета, что шла борьба с характернейшими особенностями его творчества — это достаточно наглядно показывают примеры, приведенные в указанных выше статьях Ю. Никольского, Д. Благого и Н. Колпаковой.

Способы, которыми Тургенев исправлял Фета, не могут не вызвать изумления у каждого, знакомящегося с этим материалом. Любимым приемом исправления оказалось исключение из стихотворений целых строф — при этом в особенности последних строф. В издании 1856 г. последние строфы отрезаны у 14 стихотворений.

Между тем трудно найти русского поэта, у которого количество, архитекtonика и синтаксическая конфигурация строф были бы в такой степени, как у Фета, обусловлены мелодико-интонационным заданием стихотворения, у которого мелодическое движение стихотворения было бы более четким, у которого поэтому исключение последней строфы оставляло бы в такой степени впечатлительное оборванности — не в сюжетно-тематическом, а в композиционном отношении. Ограничусь одним примером. Стихотворение «Серенада» в издании 1850 г. читается так:

Тихо вечер погарает,
Горы золота;
Знойный воздух холодает —
Спи, мое дитя.

Соловьѣ давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
Спи, мое дитя.

Блещут ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи —
Спи, мое дитя.

Так легко и так привольно,
Страсти укротя,
В сердце вымолвишь невольно:
Спи, мое дитя.

В издании же 1856 г. и последующих заключительная строфа выброшена. Фет предлагал взамен отрезанного конца другую строфу, но Тургенев забраковал и ее, и стихотворение так и печатается до сих пор в составе трех строф.

Такая нечувствительность Тургенева и круга «Современника» к структурным особенностям поэзии Фета объясняется тем, что эти особенности выражают художественные тенденции, чуждые и даже враждебные эстетической идеологии Тургенева, Дружинина и других художественных руководителей тогдашнего «Современника».

В 1854—1857 гг. «Современник» усиленно выдвигал и лансировал поэзию Фета — но это выдвигание было связано с общей борьбой за «лушкинское направление» в поэзии, за поэзию «типическую», «рельефную» и «объективную» против поэзии тенденциозной. В связи с этим выдвигается и превозносится наименее оригинальная линия Фета — его «элегии» и «антологические стихотворения» — в то время, как «мелодии» его вызывают недоумения, опасения и оговорки. Ни одно стихотворение Фета на всем протяжении его творчества не вызвало таких восторженных похвал, как антологическая «Диана» с ее выверенными, точными эпитетами и математически отрогими интонациями классического александрийского стиха. Дружинин, Боткин, Тургенев не находят слов для прославления этого стихотворения.

Подняв Фета на щит как «объективного» поэта, круг «Современника» и стремится выправить его в сторону «объективных» тенденций его творчества, взяв за основу «элегии» и «антологические стихотворения»: недаром издание 1856 г. открывается «Элегиями» вместо прежних «Снегов». Когда же к концу пятидесятих годов становится ясным, что Фет неисправим, что основные тенденции его поэзии ведут в иную сторону — бывшие пропагандисты Фета охладевают к нему.

Действительно, в поэзии Фета преобладает стремление не к «типичности и рельефности», а к «особности и случайности» (Ап. Григорьев). Это поэзия, основанная на принципах иррационализма и субъективизма. Суггестивность доминирует в ней над «пластичностью». Фет стремится к передаче подсознательных, неясных, иррациональных душевных движений, к выражению настроений, которые не могут быть описаны, а могут быть только вызваны в читателе неопределимой словом, но говорящей чувству эмоциональной окраской предметов, мелодической организацией интонаций, выдвиганием всех иррациональных («музыкальных») элементов речи. Детали внешнего мира, одушевленные лирической эмоцией, становятся символическими деталями, пейзажи превращаются в «пейзажи души».

Это были принципы враждебные Тургеневу и его группе. Постоянные ожесточенные споры Фета с Тургеневым о правах «разума» и «вдохновения» в поэзии были спорами прежде всего о творческом методе. И понятно ожесточение, с которым Тургенев вычеркнул из знаменитого стихотворения Фета строфу со словами:

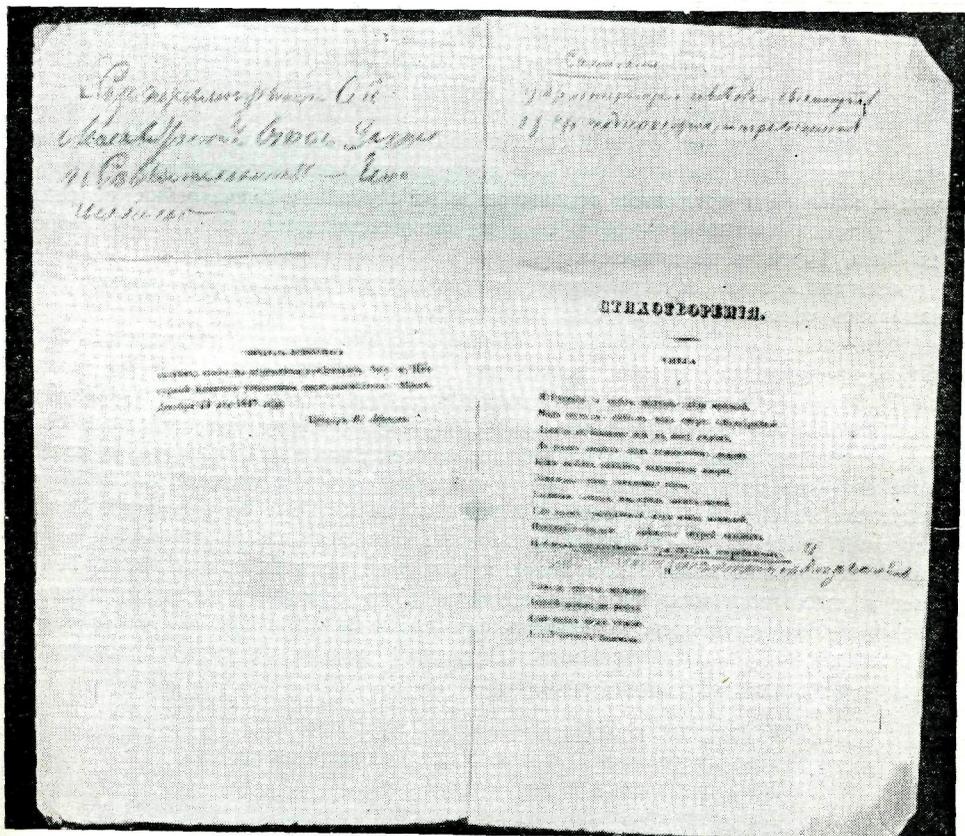
не знаю сам, что буду
Петь, но только песня зреет, —

крича Некрасову, что в этой строфе Фет «изобличил свои телячьи мозги»⁶.

Зачастую стихотворения Фета строятся так, что лирическая концовка уводит от внешнего мира к душевным настроениям. Срезая такие концы, Тургенев старался придать стихотворению тот описательный, спокойно-созерцательный характер, который он так ценил. Такого типа исключение последней строфы, скажем, в следующем стихотворении:

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы,
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам:
То табуn несетса рысью.

«ОСТРОУХОВСКИЙ» ЭКЗЕМПЛЯР СТИХОТВОРЕНИЙ А. А. ФЕТА, ИЗДАНИЯ 1850 г.
НА ОБОРОТЕ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА НАДПИСЬ РУКОЮ ФЕТА: «НАДО ПЕРЕСМОТРЕТЬ
ВСЕ МОСКВИТЯНИН, ОТЕЦ. ЗАПИСКИ И СОВРЕМЕННОК — ЕСЛИ МОЖНО».
НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ РУКОЮ ТУРГЕНЕВА: «ЗАМЕЧАНИЕ: 1) ЧТО ВЫЧЕРКНУТО
СОВСЕМ — ВЫКИНУТЬ. 2) ЧТО ПОДЧЕРКНУТО — ПЕРЕМЕНИТЬ»

Третьяковская Галерея, Москва

Да оставь окно в покое,
 Подожди еще немножко —
 Я не знаю, что такое,
 Полетел бы из окошка.

Поэтика Фета не удовлетворяла основному в эстетическом кодексе адептов «объективной поэзии» требованию — «ясности» и «понятности». «Непонятность» с точки зрения редакторов Фета — основной недостаток его стихотворений: «вышла такая темнота, что даже волки, привыкшие к осенним ночам, должны завывать от страха» («Мои восп.», I, 312), «стихов я со второй строфы до судороги не понимаю» (I, 394) — вот обычные отзывы Тургенева о стихах Фета. Требование «понятности» и являлось основным принципом, определившим редакторскую работу Тургенева. Наиболее частая пометка его в остроуховском экземпляре — это вопросительный знак, показывающий «непонятность» слова, стиха, строфы или целого стихотворения. «? перем.», «?? перем.», «!?? перем.», «перем, не ясно» «? Непонятно! Перем.», «что за дьявол? перем.» — такими пометками пестрит остроуховский экземпляр. «Непонятность» главным образом определяла исключение стихотворений и строф и замену выражений и образов. Вопросительный знак ставился против выражения «гостья дум воздушная» (о звезде) и «корона ясной ночи» или «серебряная зарница» (о луне), против стихов

Былое стремленье
 Далеко, как выстрел вечерний —

и «выстрел» превращался в «отблеск» и т. п.

Образов, в которых не был совершенно ясен и всегда доступен повторению метафорический ход мысли, образов, в которых связь между основным значением слова и мыслимым предметом основывается на случайном впечатлении, репрезентируя оттенок настроения поэта, словом, «импрессионизма», столь характерного для Фета, Тургенев не допускал.

«Неясные» стихи медитативного типа, также характерные для раннего Фета, назывались «философией» и тоже изгонялись.

Так переделано по существу в новое стихотворение «Помедли... Люди спят...», из которого удалена центральная тема «немного созерцанья» по резолюции Тургенева «святость звездолубивых дум — к чорту!» В других случаях Тургенев изгонял из стихотворений любовную тему, находя, что любовные стихи Фета «слабее прочих». Пожалуй наиболее замечательное из редакторских свойств Тургенева — на ряду с исключительной настойчивостью, с которой он добивался требуемых изменений, — это размах переделок, на которые он решался⁷. Правда, фетовский текст Тургенев черкал и кроил, но не заменял его своим (за исключением нескольких мелких поправок), а заставлял править самого Фета. Тем не менее в стихотворениях, иногда разрушенных до основания и затем скомпонованных заново, случалось, появлялись смысловые невязки или же стихи теряли вообще смысловую полноценность. Примером может служить стихотворение, которое в издании 1850 г. читается так:

Я русский, я люблю молчанье дали мразной,
 Под пологом снегов как смерть однообразной,
 Леса под шапками иль в инее седом,
 Да речку звонкую под темносиним льдом.
 Как любят находить задумчивые взоры
 Завейные рвы, навейные горы,
 Былинки сонные — иль средь нагих полей,
 Где холм причудливый, как некий мавзолей,
 Изваян полночью, — круженье вихрей дальных
 И блеск торжественный при звуках погребальных.

IV.

Ветер злой, ветер крутой в поле
 Заливается,
 А суржок на стеной вали
 Завивается
 При луды — на версте морозь
 Огоньками —
 Про живых ветерь вьсть пронесть
 Съ ползочками.
 Ночь любовью крестомъ свиститъ.
 Раздувается.
 Острый мидь стеной хруститъ,
 Не пугается.

Незыкая береза
 У моста она,
 И прихотью мороза
 Разбурала она.
 Какъ гроздыя винограда,
 Ветвей концы висать,
 И рябосент для взгляда
 Веск траурный парадь.
 Любо по игру дешишь
 И замечать из нею,
 И жаль, мидь, если плыши
 Страхнуть краев ветвей.

Заревая вьюга
 Ветер злой, ветер крутой в поле
 Заливается,
 А суржок на стеной вали
 Завивается
 При луды — на версте морозь
 Огоньками —
 Про живых ветерь вьсть пронесть
 Съ ползочками.
 Ночь любовью крестомъ свиститъ.
 Раздувается.
 Острый мидь стеной хруститъ,
 Не пугается.
 Незыкая береза
 У моста она,
 И прихотью мороза
 Разбурала она.
 Какъ гроздыя винограда,
 Ветвей концы висать,
 И рябосент для взгляда
 Веск траурный парадь.
 Любо по игру дешишь
 И замечать из нею,
 И жаль, мидь, если плыши
 Страхнуть краев ветвей.

А вь отдалении колоколь вьаруть запоеть — и тихонько
 Вь комнату звуки пьивуть; я предьясь имь впошье
 Сердце вь нихь находило всегда какую-то вьлагу,
 Точно какь будто росой ночи омьты они...
 Зауць все тоть же поеть, но съ каждымь порывомь иначе:
 То вь немь мьди тугой болге, то серебра.
 Странно, что ухо вь тупору, какь будто не слухая, слышит...
 Вь мысляхь иное совсьмь, думя волна за волной,
 А между темь еще глубже сокрытая сила объемлеть
 Лампу и звуки, и ночь — ихь сочетавши вь одно:
 Такь посвящая все больше и больше пылкую душу,
 Ночь научаеть ее мьрь созерцать и себя.

*перевод
 на итальянском
 языке*

*Есть думается кому убоить
 Вьрять вьзвучать вь сон
 XIII
 О да вь думь вьзвучать вь.*

Любо мнѣ вь комнату ночью стоять у окошка вь потемкахъ,
 Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
 И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
 По полу, — комнату всю дымомь прозрачнымь полъ;
 А за окномь вь саду между листьямь сирени и тинь,
 Черныя группы дьял, зыбкимь находить лучемь
 Вь промежутки — и внизь ея золоченная стрѣла
 Яркимь стремится дождемь, иль одинокой листокъ
 Луноулову мшаеть разсыпаться по-земь; самь же,
 Светомь осыпанный весь, червьб дрожить на тинь.
 Я восклицую: блаженъ трижды, блаженъ, о Диана!
 Кто всемогущей судьбой вь тайны твои посвященъ.

*— Не вь сонъ,
 съ реалитетомь!*

В издании же 1856 г. и последующих стихотворение читается так:

На пахитях немых люблю в мороз трескучий
 При свете солнечном я снега блеск колючий,
 Леса под шапками иль в инее седом,
 Да речку звонкую под темносиним льдом.
 Как любят находить задумчивые взоры
 Завеянные рвы, навеянные горы,
 Былижки сонные среди нагих полей,
 Где холм причудливый, как некий мавзолей
 Изваян полночью, — иль тучи вихрей дальных
 На белых берегах и полыньях зеркальных.

Хотя из десяти стихов пять остались совершенно неизменными, эту редакцию можно считать новым стихотворением, — настолько изменился общий смысл. Вместо мрачной картины гробовой морозной полночи, осуществленной системой связанных метафор (молчанье — полог — как смерть — мавзолей — блеск торжественный при звуках погребальных) дан дневной пейзаж с «колючим блеском» снега при солнечном свете. Последний стих, концентрирующий «гробовой» смысл стихотворения, заменен нейтральным пейзажным описанием. Изменена интонация, подготовляющая этот ударный последний стих сложной системой относящихся к нему придаточных предложений, — интонация стала спокойной, эпической. Однако стихотворение, прошедшее такую ломку, не приведено к новому художественному единству, так как оставшееся сравнение холма с мавзолеем, изваянным полночью, странно дисгармонирует с веселым дневным пейзажем.

В стихотворении «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...» в издании 1850 г. о луне сказано:

А за окошком в саду между листьев сирени и липы,
 Черные группы деля, зыбким находит лучом
 Все промежутки...

Тургенев в остроуховском экземпляре подчеркнул «находит» и «промежутки» и написал на полях: «— не ясно; переменить». Фет дал вариант:

...зыбким проходит лучом
 Между ветвями...

Так и напечатано в издании 1856 г. и всех последующих, хотя благодаря переделке получился такой оборот: «Луна... между листьев... проходит лучом между ветвями».

В поэзии Фета исключительную роль играет звучание. Семантическую роль звука в своей поэтике Фет сформулировал еще в 40-х годах следующим четверостишием (зачеркнутым Тургеневым в остроуховском экземпляре):

Поделись живыми снами,
 Говори душе моей;
 Что не выскажешь словами,
 Звуком на душу навей.

В оценках стихов у Фета звуковая организация всегда играет огромную роль. Например:

«Не знаю выше наших поэтов: в мире нет: Для бе-ре-гов. Это бесконечная линия — усыпанная гравием, словом, Средиземное море. Или

Русалка плы-ла по реке голу-бой
 Озаряема полно-й луно-й —

Ведь это черти! Правда, это есть у Гете, да много ли их!» (Неопубликованное письмо к Тургеневу от 5 марта 1873 г. ИРЛИ).

Конечно не случаен у Фета подбор звуков в таких стихах, как

Оставляя резвый круг серебра на влаге гладкой,
замененный в издании 1856 г. стихом

Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Тургенев не замечал или не ценил звуковой организации стихов Фета. Очень возможно, что резко осязаемый подбор звуков был враждебен его сознанию, воспитанному на совсем иных эфонических принципах, казался ему назойливым и грубым. Как бы то ни было, и в этой сфере разрушения значительны. Приведу наблюдение Ю. А. Никольского. Относительно стихотворения «Слушай одна ты — нам не годится» он замечает: «Даже при беглом чтении видно, что все стихотворение построено на чередовании шипящих и зубных («т»): «Слушай», «тишь», «слышно», «шевелится», «мышь», «шагает», «мешков», «шубой шумит», «обещает», «што», «тише», «шго-го» (2 раза), «крышей», «большою», «страшно», «шут подшутил», «чуть», «чу», «стучите», «считает» (Цит. ст., стр. 257).

Первая строфа этого стихотворения в издании 1850 г. читается:

Слушай одна ты — нам не годится
Мертвая тишь!..
Только и слышно, чуть шевелится
Резвая мышь.

Между тем, в последующих изданиях вместо этого читаем:

Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон амбар.

Тенденция к сглаживанию, к нивелировке поэтического своеобразия Фета сказывается и в борьбе с вольными размерами Фета, которые исправлялись Тургеневым, как ошибки против метрики, с экспериментами в области рифмовки, наконец со своеобразной лексической системой Фета.

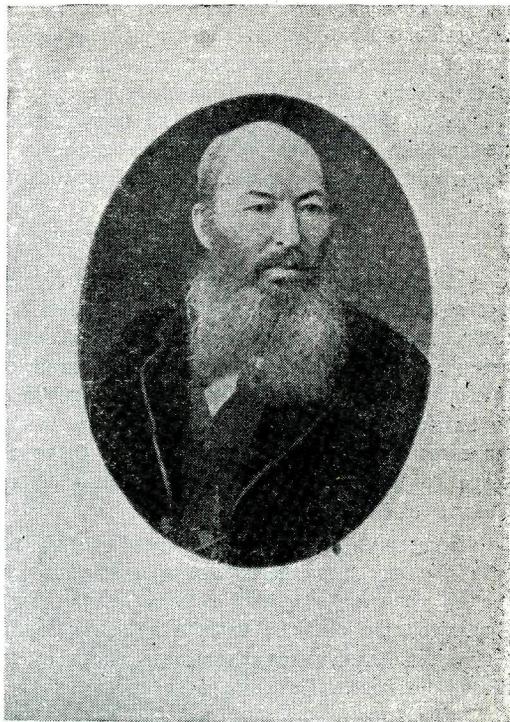
С тщательностью корректора Тургенев убрал из стихотворений Фета все до одного славянизмы и архаизмы, а также все новообразованные, редкие или местные слова и обороты. Эти слова он стал истреблять, можно сказать, с первых дней своего знакомства с Фетом. 5 июня 1853 г. он пишет С. Т. Аксакову: «У меня на днях был Фет, с которым я прежде не был знаком. Он мне читал превосходные переводы из Горация. Иные оды необыкновенно удались, — напрасно только он употребляет не только устарелые слова, — каковы: «перси» и т. д., — но даже необычные слова в роде «завой» (завиток), «ухание» (запах) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что «ухание» так же дико для слуха, как напр. «получие» (от благополучия)» («Вестник Европы» 1894 г., II).

Чужеродность исправлений Тургенева можно было бы еще оспаривать, если бы, согласившись с указаниями Тургенева, Фет избегал подобных выражений впоследствии, но ничего подобного не произошло: попрежнему он ставит в свои стихи такие слова, как «завой» («Свитезянка» 1854 г., «Моего тот безумства желал...» 1887 г.), как исключенные по требованию Тургенева «заревой», «наитие», защищает в письме к Страхову 1879 г. право поэта на архаические слова и обороты и т. д.

Нельзя не задать себе вопроса: почему же Фет подчинялся всем этим операциям? Повидимому, существеннее всего здесь — единогласие оценок самых выдающихся критиков и ценителей. Стоит прочесть, что писали о стихах Фета

А. А. ФЕТ

Фотография 1860-х гг.

Институт Русской Литературы,
Ленинград

критики даже наиболее понимавшие и ценившие его поэзию — Ап. Григорьев, Богкин, Дружинин — чтобы понять, как мог растеряться поэт под влиянием единогласных упреков в неясности, нелепости, неправильности его стихов.

Приведу отрывок из воспоминаний П. М. Ковалевского о встречах с Фетом в 1856 г.:

«— А ну-те-ка, Фетушка, похвастайте, что вы сочинили сегодня,— обращался к нему за вечерним чаем Некрасов.

И Фет вынимал из бокового кармана свою записную книжечку.

— Должно быть, ерунда! — опасался он.

— Прочитайте, скажем, коли ерунда, не утаим.

Оказывалось удивительное по гармонии и изяществу лирическое стихотворение. Мы хвалим, Фет удивляется,— он ждал, что обругаем.

Другой раз он доволен,— оказывается — ерунда.

— Вот подите ж, угадайте,— недоумевает он»⁸.

Ср. в письме Фета к Некрасову от 27 июня 1854 г.:

«Авдотье Яковлевне я послал стихотворение, о котором, как и о всех других написанных на берегу морском, не знаю без Тургенева, хороши ли они или из рук вон»⁹.

Текстологические выводы авторов, занимавшихся вопросом о «тургеневских исправлениях», не одинаковы, но довольно близки. Определеннее и решительнее всех высказался Ю. А. Никольский: «Цена самобытность Фета, мы должны освободить его от чуждой позднейшей записи, хотя бы и тургеневской. И нового Фета следует издать по первому чтению, приводя обычное наше чтение как вариант» (Цит. ст., стр. 262). Более осторожно подходит к вопросу Д. Д. Благой. Он пишет «дать действительно «очищенный», т. е. критически выверенный и в значительной части возвращенный к его первоначальному виду, фетовский текст— является первой и основной задачей всякого исследователя-специалиста» [Цит. ст.,

стр. 55. Подчеркнуто мною. — Б. Б.). Какова эта «значительная часть» видно из следующего положения: «почти все проведенные Фетом по редакторским требованиям исправления наносят тот или иной, большей или меньший, ущерб его стихам» (стр. 62). Н. П. Колпакова не высказывает своего взгляда на дефинитивный текст Фета, но от ее статьи получается, пожалуй, наиболее неблагоприятное впечатление о редакторской деятельности Тургенева, так что вывод напрашивается едва ли не тот же, что у Никольского.

III

Итак, точка зрения всех исследователей вопроса—что печатать стихи, вошедшие в издание 1850 г., надо, по крайней мере в основном, по этому изданию — подкрепляется анализом исправлений и собственными высказываниями Фета, приведенными выше. Этим аргументам можно, однако, противопоставить другие. Стихотворения, вошедшие в издание 1850 г., Фет, правда, после 1863 г. не переиздавал, но за несколько месяцев до смерти он стал подготавливать собрание своих стихов и составил список того, что должно было войти в собрание. Этот список сохранился (о нем ниже) и в нем указано печатать все стихи, вошедшие в издание 1863 г., по этому изданию.

Возможно, конечно, что слабеющий, полуслепой старик уже не чувствовал себя в силах произвести новую переработку произведений, написанных за 40—50 лет до того, из которой тексты вышли бы «очищенными, но не изувеченными»; а вернее, что он уже свыкся за столько лет с «тургеньевскими» текстами, — как бы то ни было, ни переделывать вновь он их не стал, ни по изданию 1850 г. печатать не велел. Последняя авторская воля формально за изданием 1863 г.

Далее надо заметить, что все исследователи — впрочем, и не обязанные к тому объемом и темой своих работ — не анализируют в всех разночтений обоих изданий, а потому и не приводятся к необходимости доказать, что все варианты издания 1856 г. могут быть без ущерба для текста откинута, или выделить категории случаев, в которых возвращение к первым чтениям нежелательно.

Между тем вряд ли допустимо, скажем, вместо стихов

а губки и бледные ручки

Так холодны, что нельзя не согреть их своими устами,—

возвращаться к чтению издания 1850 г.

Так холодны, что нельзя согреть их подолгу устами,—

где совершенно немыслимое в русском языке сочетание наречия «подолгу» с глаголом совершенного вида ничем не оправдано (стих.: «Рад я дождю...»).

Вряд ли Фет против воли, лишь под напором редактора, дал вариант

Что ж? Рухнула с разбега колесница

вместо первого чтения

Что ж? Рухнула со треском колесница

с его неуместным, очевидно для размера поставленным «со» («О не зови!..»).

Вряд ли можно найти художественное оправдание употреблению местного «рухаться» в переводе сонета Кернера «Москва»:

Ломитесь, башни, рухайтесь, палаты!

(в изд. 1856 г. и последующих — «рушьтеся палаты!»).

Есть случаи, когда сплошным стихам второго издания соответствуют стихи с точками или одни точки вместо стихов в первом. Эти пропуски — вероятно результат цензурного вмешательства, но заполнить их сейчас мы не можем, и странно было бы предпочесть их законченным фетовским строфам в издании 1856 г.

Но все это еще, может быть, случаи, не имеющие серьезного принципиального значения. Перейдем к более существенным.

В стихотворении «К красавцу» в издании 1850 г. есть два стиха:

Не для тебя ль они [девы], с улыбкою Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?

В издании же 1856 г. они читаются:

Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?

Смысл замены ясен. Первая редакция двумысленна. «С улыбкою Авроры» — легче понять — «улыбаясь, как Аврора», чем «когда улыбается Аврора». Пометки при этих стихах в остроуховском экземпляре нет.

Гораздо более резкое изменение в стихотворении «Когда мечтательно я предан тишине...» Вместо стихов

И долго слушаю, как ты молчишь, и мне
Ты руку подаешь, сказавши: до свиданья!

в издании 1856 г.:

...и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья,

что как будто и более соответствует предыдущим стихам:

Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи

и во всяком случае резко деформирует все стихотворение, при чем пометок Тургенева при этом стихе опять-таки нет.

Не в том, впрочем, суть — есть ли эти пометки. Иногда никак не мотивированная пометка «перем.» наталкивала Фета на новую разработку темы, на углубление мысли, и формальный путь отбрасывания всех вариантов, соответствующих пометкам Тургенева, может привести нередко к снижению художественных качеств фетовского текста. Я не вижу, например, оснований, по которым, скажем, строфе:

Придет пора — и скоро, может быть, —
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить —
(«Еще весна, — как будто неземной...»)

строфе вполне фетовской по синтаксису и лексике — мы должны были бы предпочесть раннее чтение:

А будет время: снова искупить
Весна природу будет торопиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

Подготавливая издание 1856 г., Тургенев не только отобрал и исправил стихи из сборника 1850 г., но пересмотрел и стихотворения, накопившиеся с тех пор и напечатанные в разных журналах. Журнальные редакции стихов 1850—1855 гг. часто отличаются от редакций издания 1856 г., и несомненно, что если не все поправки, то большая часть их должна быть отнесена на счет Тургенева. Так же обстоит дело при расхождении журнальных текстов 1856—1863 гг. с текстами издания 1863 г., а иногда и I выпуска «Вечерних огней». Документальные же данные о вмешательстве Тургенева сохранились лишь в виде исключения в несколь-

ких случаях. Если при расхождении издания 1850 г. с изданием 1856 г. считать основным текст первого, то и при расхождении журнальных редакций с изданием 1856 или 1863 г. надо отдавать предпочтение журнальным редакциям и, скажем, вместо строфы:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой,—
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой

печатать:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем, не ведая еще,
И в первый раз благоухает
Ее блестящее плечо,—

при чем может быть изменение сделано и не по совету Тургенева, а, скажем, под впечатлением неблагоприятного отзыва о двух последних стихах в рецензии Е. Н. Эдельсона (стих. «Первый ландыш»).

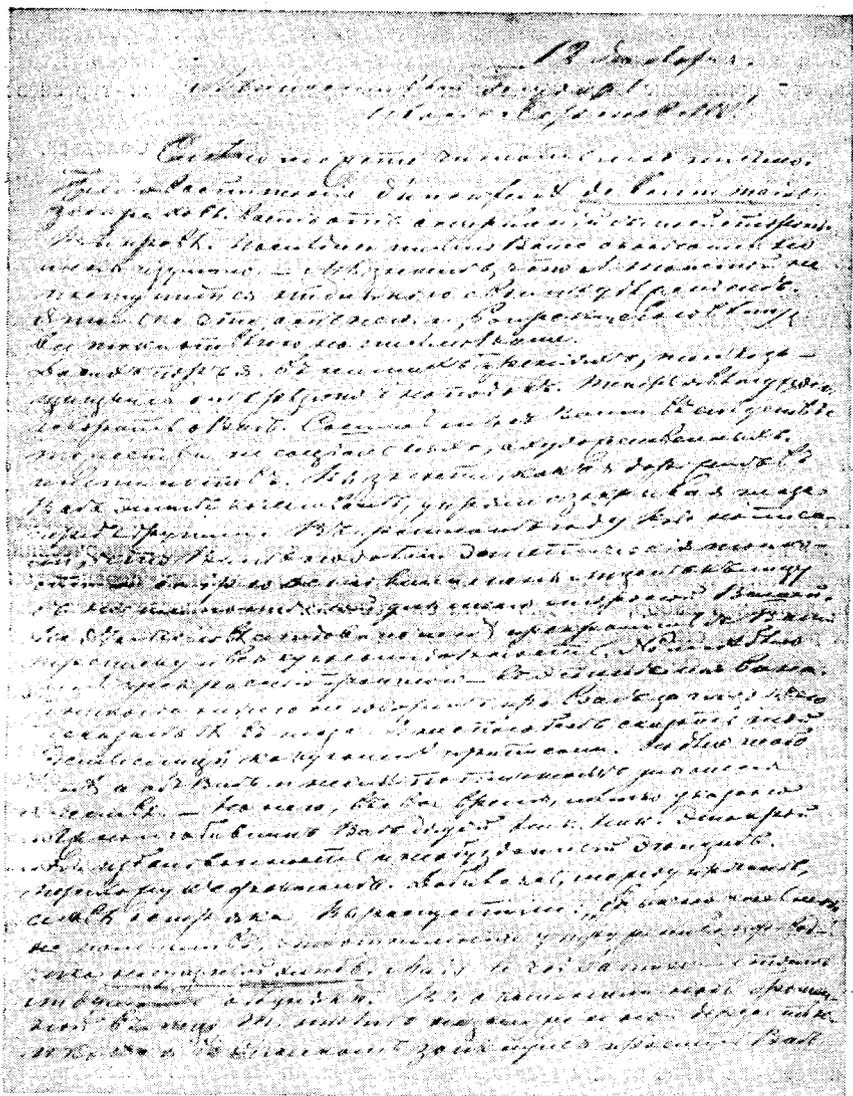
Но проблема окажется еще более сложной, если мы учтем, что с 1855 г. Фет, как правило, посылал свои стихи Тургеневу в рукописи, а в журналы отдавал их, уже переделав по его указаниям. Таким образом следы тургеневской правки надо искать уже сличая не журнальный текст с книжным, но рукописный — когда он есть — с журнальным. Кроме случайных листков единственные рукописные источники, дошедшие до нас, это две тетради, в которые Фет в период 1864—1885 гг. вписывал свои стихи, нередко тут же их перерабатывая. Получая указания от Тургенева, он зачеркивал забракованное чтение и надписывал новое. Таким образом, поставив себе целью при отсутствии документальных данных «освободить Фета от тургеневской записи», надо было бы печатать стихотворения Фета по зачеркнутым вариантам, рискуя давать в качестве основных чтений чтения просто недоработанные.

Однако тот, кто поставит себе целью освободить наследие Фета только от тургеневской правки, будет непоследователен. Даже в пору гегемонии Тургенева Фету давали указания — очень решительные и конкретные — и другие лица, вкусу которых он доверял, и не только через Тургенева, а и непосредственно. Так в 1856 г., окончив поэму «Сон» и переписав ее в одну из упомянутых тетрадей, Фет переслал или оставил эту тетрадь А. В. Дружинину, который вернул ее, вписав свои указания. В одном месте он велел прибавить строфу, в другом убавить, в одной сцене дать больше страсти, в другой уловить и рельефнее передать особенности горячечного бреда и т. д. С поразительной покорностью и точностью Фет сделал все, что от него требовали и, посылая Дружинину поэму вновь в исправленном виде, просит, если тот «найдет снова что-нибудь невозможное», отметить на полях и переслать ему. «Я его, т. е. Сон, снова переправлю по Вашему указанию. Но по крайнему моему пониманию теперь все в нем есть — и поэтическая правда, и ясность хода, и самый механизм стиха. А впрочем, кто его знает»¹⁰. Дружинин удовлетворился второй редакцией. При этом поэма послалась Дружинину не как редактору журнала, так как о печатании Фет уже договорился с Краевским, а именно как ценителю поэзии. В 1854 г. Фет просит указаний Некрасова (письмо от 27 июня 1854 г. — «Архив с. Карабихи», стр. 215) и т. д.

Ко времени разрыва дружеских отношений с Тургеневым Фет нашел ему заместителя. С конца 70-х годов и до его смерти его «главным редактором» был Н. Н. Страхов. На этого редактора Фет никогда не жаловался, поправок его не звал увещьями, но и Страхов был крайне «строг» и придирчив и постоянно настаивал на изменениях. «Я с величайшей благодарностью припоминаю,— писал Фет К. Р. в 1886 г., — что муза моя, во все время 50-летней деятельности никогда не оставалась без сторонних, добрых, но нередко беспощадно придирчивых пестунов; даже в настоящее время я не решаюсь ничего печатать без одобрения

Вл. С. Соловьева и Ник. Ник. Страхова. Последний особенно строг и не пропускает мне ни малейшего изъяна» (письмо от 27 дек. 1886 г. ИРЛИ).

Обычно каждое новое стихотворение посылалось Страхову по почте, и он давал письменные указания, как его исправить. В следующем письме Фет посылал новые варианты или защищал старые и т. д. К сожалению, из писем Фета к Стра-

ПИСЬМО А. А. ФЕТА К И. С. ТУРГЕНЕВУ ОТ 12 ЯНВАРЯ 1875 г.

Институт Русской Литературы, Ленинград

кову до нас дошли только самые ранние, так что восстанавливать работу Страхова приходится лишь по его письмам к Фету. Когда же стихотворений накоплялось достаточно для очередного выпуска «Вечерних огней», Страхов вновь просматривал их и требовал новых переделок. Это обычно происходило летом, в имени Фета, тут же просматривались новые стихотворения, и документальных данных о требованиях Страхова в этих случаях не оставалось.

Изменения, которых требовал Страхов, правда, всегда касались отдельных слов и выражений, к авторскому замыслу он относился гораздо бережнее, чем Тургенев, но в отличие от Тургенева он постоянно сам предлагал Фету варианты взамен отвергнутых, а в одном случае даже сохранился листок, на котором Страхов написал стихотворение Фета («На 50-летие моей музы») в том виде, в каком хотел бы его видеть, и почти все его поправки были Фетом приняты.

При этом в основе указаний Страхова лежали те же требования «ясности» и «правильности», которые раньше предъявлял Фету Тургенев. Сетования на неясность и неправильность фетовских стихов — обычная тема писем Страхова. Правда, его понимание этих качеств не столь прямолинейно, как тургеневское, а подчинение Фета его указаниям — далеко уже не так абсолютно.

Вторым советчиком Фета в старческие годы был Владимир Соловьев. Кроме того в 60-е и 70-е годы Фет посылал свои стихи Льву Толстому, а с конца 80-х годов — Полонскому и К. Р. Толстой и К. Р. редко критиковали стихи и давали указания, а Полонский постоянно. Многие его советы принимались Фетом и ложились в основу переработок. Иногда давали советы и другие лица, например, проф. Ф. Е. Корш, художник И. С. Остроухов.

Таким образом в тексты Фета вложило свой труд большое число русских критиков, поэтов и беллетристов, и если мы теперь поставим вопрос не только технически — возможно ли, — но и принципиально — нужно ли — счищая все их «наслоения», стремиться дать «первобытного» Фета, — на этот вопрос надо ответить отрицательно. Поэтическая судьба Фета — исправлять свои произведения по указаниям «пестунов» — настолько постоянна на протяжении всего его творческого пути, что причиной ее может быть только своеобразная потребность его творческой личности. Фет не доверял себе в критической оценке своих произведений, ему были необходимы сторонние указания, и, как для Бальзака творческий акт мог окончиться только на печатных гранках, после нескольких перепечаток редакций, данных в набор, — так для Фета он кончался только после учета реакции первых редакций стихотворений на избранных «ценителей». Характерно, что заведомые черновики Фета часто написаны без помарок.

Поэзия Фета — явление историческое, связанное с поэтической судьбой и творческой личностью слишком тесно для того, чтобы мы имели право развязать эти связи и построить другого Фета — непреклонного и идущего своим путем, не прислушиваясь ни к чьим мнениям. Нельзя совершенно оторвать вопрос окончательной редакции от вопроса о творческой воле поэта и дать его произведения сплошь в забракованных им редакциях. Техническая же невозможность подобного эксперимента при теперешнем состоянии материалов, полагаю, достаточно выяснилась из уже сказанного.

Итак, основная текстологическая проблема предстает в следующем виде: печатать все стихи, имеющие две или несколько редакций, по ранним редакциям — значит сплошь да рядом включать в текст заведомые ляпсусы, а в большом числе случаев давать редакции, не имеющие никаких преимуществ перед последующими, созданными самим же Фетом; это значит идти напролом против авторской воли; к тому же такая работа при наличном состоянии материалов неосуществима. Печатать же все стихи по поздним редакциям — значит дать в ряде случаев заведомо разрушенные, испорченные и самим автором осужденные тексты.

Очевидно единственный возможный путь — третий: положив в основу принцип последнего прижизненного текста, отступать от этого принципа в тех случаях, когда последние редакции либо заведомо не принадлежат Фету (как редакции с исключенными Тургеневым строфами), либо, хотя и даны самим Фетом, но заведомо разрушают композицию, тематику, фонетический, ритмический, лексический или семантический строй стихотворения.

Нечего говорить о том, насколько из-за неточности признаков индивидуальной поэтической системы опасен такой путь; тем не менее вряд ли возможен иной

путь для редактора, который поставит себе целью дать наконец читателю полноценные фетовские тексты, потому что в данном случае — более чем в обычных — очевидно, что эту полноценность может обеспечить только критический анализ текстов, а не механическое применение текстологических правил — будь то правило «печатать все по первому тексту» или «печатать все по последнему тексту».

Разумеется, при таком решении встает целый ряд новых вопросов: пользоваться ли возможностью возвращения к ранним текстам только при наличии прямых документальных данных о вмешательстве редакторов — наподобие пометок остроуховского экземпляра — или распространить эту возможность на случаи аналогичных изменений; возвращаться ли к ранним текстам только при разночтениях с изданием 1856 г., учитывая, что здесь исправления сделаны в особом порядке массовой переделки давно написанных стихотворений, или распространить этот принцип шире; считаться ли с ранними редакциями только уже напечатанными или и с оставшимися в автографах — и в каких пределах и т. д. Все это уже конкретные вопросы, которые должны решаться будущими редакторами Фета, я ограничусь здесь общим решением основной текстологической проблемы.

IV

Фету не удалось издать при жизни собрания, в котором были бы объединены и молодые и старческие его стихи. Но, несмотря на то, что издание Солдатенкова не было распродано и «Вечерние огни» повидимому расходились плохо, за несколько месяцев до смерти Фет, как уже сказано, занялся подготовкой такого собрания своих стихотворений. Составленный им список лег в основу посмертного собрания, изданного в 1894 г. его вдовой под редакцией Н. Н. Стрехова и К. Р. В это издание вошли — в новом распределении — стихотворения солдатенковского издания, «Вечерних огней», включая пятый, не увидевший света выпуск, и несколько стихотворений из издания 1850 г., не входивших в последующие издания. Тексты перепечатаны из прежних изданий со значительными изменениями в пунктуации, которая для прижизненного редактора Фета Стрехова явилась способом посмертного сглаживания «шероховатостей» Фета.

Однако 9 стихотворений в этом издании имеют разночтения по сравнению с предыдущими — и частью весьма значительные.

Это особенно существенно, если учесть, что редакторам этого издания были предоставлены книги с пометками, которые Фет делал, готовя новое издание.

10 января 1893 г. вдова Фета писала К. Р.: «Покойный муж мой думал издать полное собрание своих стихотворений, нынешним летом занимался разбором старых своих изданий, делал поправки, кое-что зачеркивал, и таким образом весь материал к этому изданию готов. Если вашему высочеству угодно будет, то я передала бы все это по указанию вашего высочества» (ИРЛИ). Эти материалы были переданы К. Р. До нас они не дошли¹¹. Это заставляет с особым вниманием отнестись к разночтениям издания 1894 г. Однако, автентичность их подзрительна. Возьмем примеры.

Стихотворение «Офелия гибла и пела» напечатано в 1846 г. в журнале и в издании 1850 г. в следующем виде:

Офелия гибла и пела,
И пела, сметая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,

И много мне чувства и песен,
И слез, и мечтаний дано.

В следующих изданиях стихотворение не перепечатывалось; включенное в составленный Фетом список, вновь напечатано в посмертном издании, но здесь оно напечатано в составе трех строф, — между первой и второй прижизненного текста появилась следующая:

Ах, много по жизни мелькнуло
Дней светлых, безумной тоски,
И счастье давно потонуло,
Лишь песни плывут да венки.

Рукописи фетовских произведений 40-х годов не сохранились, стихотворение не перепечатывалось сорок с лишним лет: откуда могла бы взяться новая строфа, как не с полей того экземпляра, над которым Фет работал, подготавливая собрание своих стихотворений?

И однако возникает сильное подозрение: эта написанная на полях строфа не должна ли была предварять, а заменить первоначальную вторую строфу? В этой строфе уходящее в прошлое сравнивается с потонувшей Офелией, а новая строфа проводит то же сравнение, развивая его заново, так что, когда одна строфа поставлена после другой, получается повторение со странными невязками (уходящее или ушедшее сперва «п о т о н у л о», потом «к а н е т н а д н о»; песни то плывут, то тонут).

Автентичность некоторых вариантов этого издания как будто удостоверяют и косвенные свидетельства. Так первые две строки стихотворения «Венеция ночью», читающиеся в предыдущих изданиях:

Всплески волн сверкают ярко,
Ударяясь о гранит

в издании 1894 г. читаются:

Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит.

Ю. А. Никольский в статье «Признания Фета» сообщает, что стихи изменены по настоянию И. С. Остроухова, «так как Остроухов, отлично терпевший в живописи венецианские костюмы на библейских персонажах, потребовал вдруг реализма и говорил, что вся Венеция в стихотворении испорчена гранитом, которого там не бывает» («Русская Мысль» 1922 г., кн. 7, стр. 306).

Однако редактор «Полного собрания стихотворений» Фета Б. В. Никольский, имевший в руках как будто те же материалы, что Страхов и К. Р., печатает эти стихи так:

Всплески вод сверкают ярко,
Орошая мрамор плит.

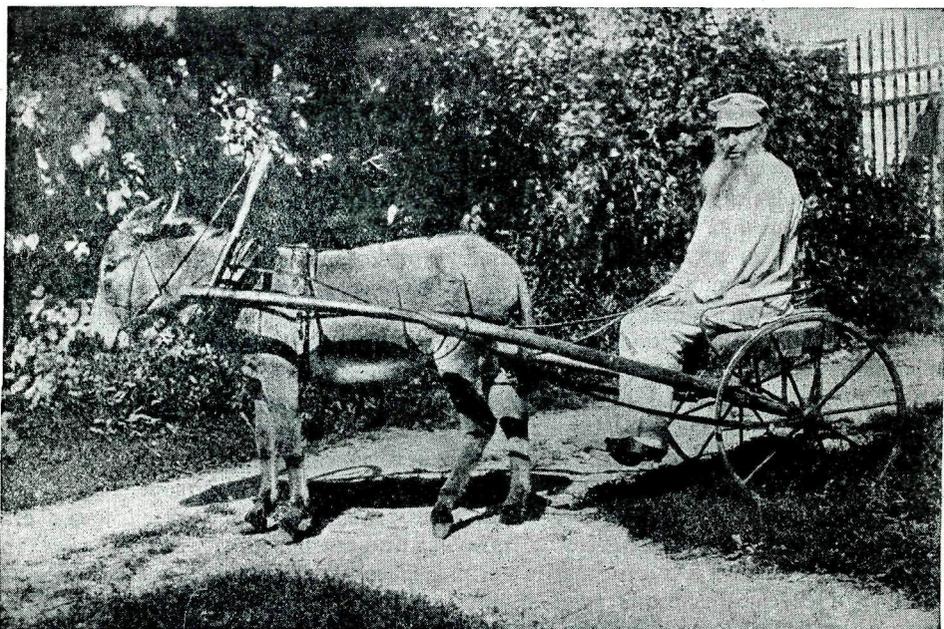
Окончательный текст остается неясным.

Еще более загадочная история произошла со стихотворением «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок». Текст его совершенно идентичен в рукописи, журнале и III выпуске «Вечерних огней».

Через несколько дней после смерти Фета в «Московских Ведомостях» появляется новый текст, сильно отличающийся от прижизненного. Он напечатан в статье Ю. Николаева (Ю. Н. Говорухи-Отрока) «Поэзия Фета»¹². В примечании автор статьи указывает, что новый текст — это последняя редакция стихотворения, сообщенная ему Фетом незадолго до смерти. Через полгода Говоруха-Отрок помещает ту же статью — в несколько измененном виде и под другим псевдонимом.

мом — в «Русском Вестнике»¹³. Снова приводится то же стихотворение, но уже в новой редакции, столь же отличной от текста первой публикации, как и от прижизненного текста. Никаких объяснений не дано.

Эта-то вторая публикация Говорухи-Отрока и повторена в издании 1894 г., но с двумя отступлениями; один стих дан в чтении прижизненного издания, а другой в совершенно новом. Наконец, в трех изданиях «Полного собрания стихотворений» из четырех разночтений издания 1894 г. с «Вечерними огнями» оставлено два, а в двух других случаях текст совпадает с прижизненным. Таким образом, мы имеем четыре посмертные редакции этого стихотворения. Все они, очевидно, должны быть признаны одинаково мало достоверными.

А. А. ФЕТ В СВОЕМ ИМЕНИИ

Фотография 1880-х гг.

Институт Русской Литературы, Ленинград

Но есть в издании 1894 г. и такие варианты, которые делают просто невозможным предположение об авторской правке. Так в стихотворении «Вчера расстались мы с тобой...» сказано о волнах:

Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком.

(Текст автографа, журнала и I вып. «Веч. огней»).

А в издании 1894 г.:

Росли и к небу и к земле.
Каким-то бешеным упреком.

Повидимому, здесь редактор, не поняв инверсии («росли упреком небу и земле»), принял «небу» и «земле» за указания направления (по типу «долу» и «горé») и вставил для правильности «к», не сообразив, что волна может расти вверх, но никак не вниз.

За утратой экземпляров, правленных Фетом, вопрос о вариантах посмертного издания не может быть разрешен бесспорно; во всяком случае в отношении к этим вариантам уместен максимальный скептицизм.

V

Посмертное издание 1894 г. показывает, насколько трудна проблема композиции собрания стихотворений Фета. Но чтобы стало ясно, в чем здесь трудности и какие возможны пути разрешения проблемы, рассмотрим сперва, как распределен материал в прижизненных изданиях Фета.

«Лирический пантеон» разделен лишь на «Сочинения» и «Переводы», а «Сочинения» — на «Баллады» и «Лирические стихотворения». Но стихотворения следующего сборника — 1850 г. — подверглись весьма прихотливой и своеобразной циклизации. На ряду с выделением некоторых жанров (традиционных — «Баллады», «Элегии», «Антологические стихотворения» и новых — «Мелодии») и строфических форм («Сонеты»), здесь есть отделы, созданные по тематическим признакам («Снега», «Гадания», «Вечера и ночи»), связанные повидимому единством реального адресата («К Офелии»), выделенные по признаку источника («Из Гейне»), наконец не вошедшие ни в один цикл и объединенные под названием «Разных стихотворений» (самый большой отдел).

Несмотря на причудливость этого распределения, схема его легла в основу композиции следующих собраний. Правда, Тургенева в редактированном им издании 1856 г. проблема распределения новых стихотворений, повидимому, интересовавала всего менее. Он присоединил одно стихотворение к «Вечерам и ночам», 2 — к «Элегиям», 4 — к «Антологическим стихотворениям», а все остальные новые стихи (41) включил в «Разные стихотворения», хотя некоторые из них печатались в журналах под заглавием «Мелодия». Но во всяком случае старые стихотворения остались в прежних отделах (за исключением ликвидированных отделов — «Сонеты» и «Из Гейне», остатки которых попали в «Разные стихотворения»).

Следующее издание — 1863 г. — Фет подготовил сам и к распределению стихов, накопившихся с предыдущего издания, отнесся более тщательно, чем Тургенев. Он пополнил ряд отделов, выделил переводы, создал два новых отдела — «Море» и «Весна», включив туда и часть прежних стихов из «Разных стихотворений», но более всего опять-таки пополнил последний отдел, включающий в этом издании больше трети оригинальных стихотворений.

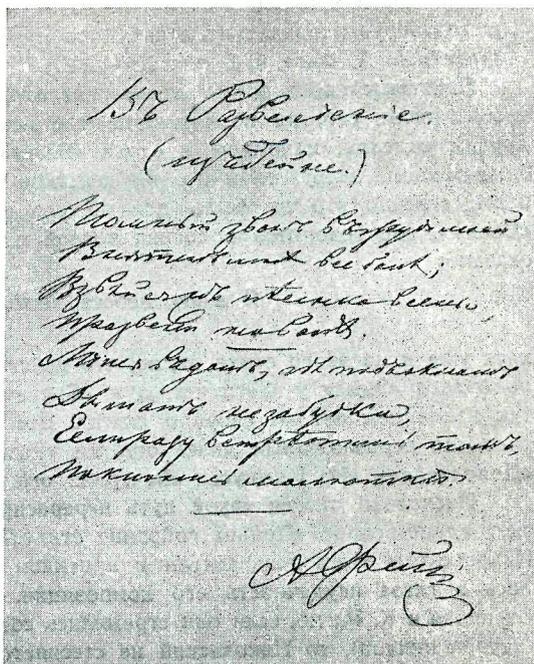
Стихотворения I выпуска «Вечерних огней» Фет распределяет по тем же основным отделам: «Море», «Снега», «Весна», «Мелодии», «Разные стихотворения». «Элегии» превратились в «Элегии и думы». Кроме того создан новый отдел «Послания» и, как и в предыдущем собрании, выделены переводы.

Дальнейшие выпуски «Вечерних огней» ни на какие отделы не делятся, так как включают слишком мало стихотворений; но эти стихотворения не расположены в них ни в хронологическом, ни в каком-либо другом определенном порядке.

В основу посмертного издания 1894 г. лег план, составленный в 1892 г. самим Фетом, но в сильно измененном редакторами виде. «План этого издания, — писал в предисловии Страхов, — составлен был самим поэтом в мае 1892 г. в Воробьевке, т. е. им уже был изготовлен список всех стихотворений, которые он намерен был напечатать в виде отдельной книги». Этот план или оглавление вдова Фета вместе с другими материалами передала К. Р. 21 февраля 1893 г. К. Р. писал ей: «Пересматривая данное мне вами, писанное рукою Екатерины Владимировны оглавление, я попал на следующие пять стихотворений, помеченных неизданными и ненапечатанными: «Бедный мальчик», «Как вешний день», «Сердце желанием», «Алмаз» и «Теснее и ближе». В оставленных вами у меня двух тетрадях неизданных стихотворений упомянутых пяти пьес нет» (ИРЛИ). В собранном Н. Н. Чернуговым и хранящемся во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина архиве фетовских

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ
А. А. ФЕТА «ТОМНЫЙ ЗВОН
В ГРУДИ МОЕЙ»

Исторический Музей, Москва

материалов имеются два подобных оглавления. Одно писано рукой Вл. Соловьева, другое рукой Ек. Вл. Федоровой, секретарши Фета. Оба списка составлены в 1892 г., но по вошедшим стихам видно, что соловьевский более ранний.

В соловьевском списке стихотворения разделены на отделы издания 1863 г., при чем «Элегии» названы, как в «Вечерних огнях», «Элегиями и думами», и прибавлен отдел, впервые выделенный там же: «Послания, посвящения и стихотворения на случай». Под каждой рубрикой идут сперва стихи из издания 1863 г. (в том порядке, как они помещены в сборнике), затем из I выпуска «Вечерних огней» и, наконец, стихи следующих выпусков «Вечерних огней», выделяемые в данный отдел. Кроме того в список включено 14 стихотворений из издания 1850 г., не перепечатанных в позднейших изданиях.

Во втором списке из отдела «Разных стихотворений» выделено еще два новых отдела — «Лето» и «Осень» — очевидно в дополнение к «Весне» и «Снегам». На этом втором списке рукой К. Р. против пяти упомянутых в его письме стихотворений сделаны пометки: «у меня нет этого стихотворения». Им же и Страховым помечены на этом списке перемены в расположении, которые они нашли нужным сделать. Таким образом несомненно идентичность этого списка с тем «оглавлением», о котором говорит К. Р. в письме к М. П. Фет, и тем «планом», составленным самим поэтом, о котором говорит Страхов в предисловии к изданию 1894 г.

«Изданием настоящих двух частей,— писал Страхов в этом предисловии,— таким образом как бы исполняется завещание покойного. Его план сохранен в главных чертах и только разработан, удержано разделение стихотворений на отделы, столь любимое всеми поэтами; но уничтожен отдел «Разные стихотворения» и прибавлен новый — «Вечерние огни», — заглавие столь памятное и дорогое всем почитателям; в этот отдел внесены и стихи «пятого выпуска», который также уже был приготовлен для издания самим поэтом. Вообще сколько можно было, удержана старая группировка; перемены в распределении сделаны лишь сообразно с ее значением. Затем в каждом отделе стихотворения

расположены в хронологическом порядке; если точной даты нельзя было найти, взят год первого появления в печати и поставлен в скобках («Лирические стихотворения» А. А. Фета, ч. I, стр. XV—XVI).

Действительно в этом издании нет отдела «Разные стихотворения»,—стихи, составлявшие его, по возможности и с немалыми натяжками распределены по другим отделам, например, в отдел «Весна» попали не только стихотворения, описывающие весну, но и все те, действие которых происходит весной, как бы несущественно это ни было для общего смысла стихотворения, и такие, как «Сосны», где говорится о соснах весной и осенью, или как «Больной», где сказано:

Я знаю, небеса весны меня излечут,—

хотя уже и из этого стиха видно, что действие стихотворения относится к зиме; но отдела «Зима» у Фета нет, а к «Снегам» причислить стихотворение нельзя, так как в нем нет ни слова о снегах. Все же редакторам пришлось сохранить очевидно неразложимые далее остатки «Разных стихотворений» под названиями «Дополнение», «Из I выпуска «Вечерних огней», «из II выпуска...» и т. д.

Насколько опасен такой путь перераспределения авторских циклов показывает единственное «Полное собрание стихотворений» Фета под редакцией Б. В. Никольского. Всем рецензентам и критикам этого издания прежде всего бросалась в глаза неудачность его композиции. Никольский пошел дальше по пути Страхова и К. Р.; но, если они стремились сохранить и циклы Фета, и хронологию (внутри циклов), то Никольский не стесняется ни тем, ни другим. Перетасовывая стихи Фета по собственному усмотрению, он создает новые циклы, давая им заглавия: «Звезды», «Грезы», «Сны», «Бессонница», «Сердце» и т. д. При этом разрываются даже такие стихотворения, которые стоят у Фета с особой нумерацией под общим заглавием или эпитафией,—например, 4 «Romanzeto» или стихотворения «Измучен жизнью, коварством надежды...» и «В тиши и мраке таинственной ночи...» Два последних стихотворения стоят под цифрами 1 и 2 под общим эпитафией из Шопенгауэра, написаны одним и тем же — очень редким — размером, один стих первого стихотворения повторяется во втором и т. д.; тем не менее Б. Никольский, сочтя, что одно стихотворение философское, а другое любовное, разнес их по разным отделам, оставив эпитафию при первом.

Отделы разбиты на подотделы. Так отдел философских стихотворений, которому Никольский придал заглавие «Вечерние огни», разделен на 11 подотделов: в первом дано «сопоставление духа и мира в проявлениях их стихийной жизни», во втором — «решение поэтом высшей нравственной задачи земного существования», третий отдел «характеризует героические идеалы Фета», четвертый «описывает идеальный взгляд поэта на его призвание как художника», в пятом «собраны основные стихотворения, раскрывающие мировое значение творчества и вдохновения», шестой «посвящен роли поэта уже не в мире, а в человечестве» и т. д. (I, стр. XV). Стремясь этим распределением «прежде всего раскрывать все беспредельное глубокомыслие» Фета, Никольский широко прибегает к символическому толкованию. Так в отдел, «характеризующий героические идеалы», попадают стихотворения «Горная высь», «Вольный сокол» и т. п.

Словом, Никольский отнесся к своей редакторской работе как к «встрече мыслителя с Фетом на высотах прозрения» (I, стр. XIII).

Издание метко характеризовал В. Брюсов в письме к П. Перцову:

«Еще убил Маркс Фета... через благосклонное участие... Никольского, обратившего собрание сочинений Фета в собственную статью: рубрики над отделами—это текст статьи Никольского, а стихи Фета—его цитаты».

Чтобы дать достаточное представление о композиции этого издания, добавлю еще, что стихотворения, посвященные «высочайшим особам», независимо от их содержания, объединены в особый отдел, названный «Оды»; стихотворения, в ко-

торых Никольский не обнаружил глубокомыслия, составили отдел «Шутки», хотя ни в одном из стихотворений этого отдела нет ничего шутиwego; наконец 80 стихотворений, которые редактор счел слабыми, объединены в особый отдел «Приложения» и расположены в нем в порядке алфавита начальных стихов.

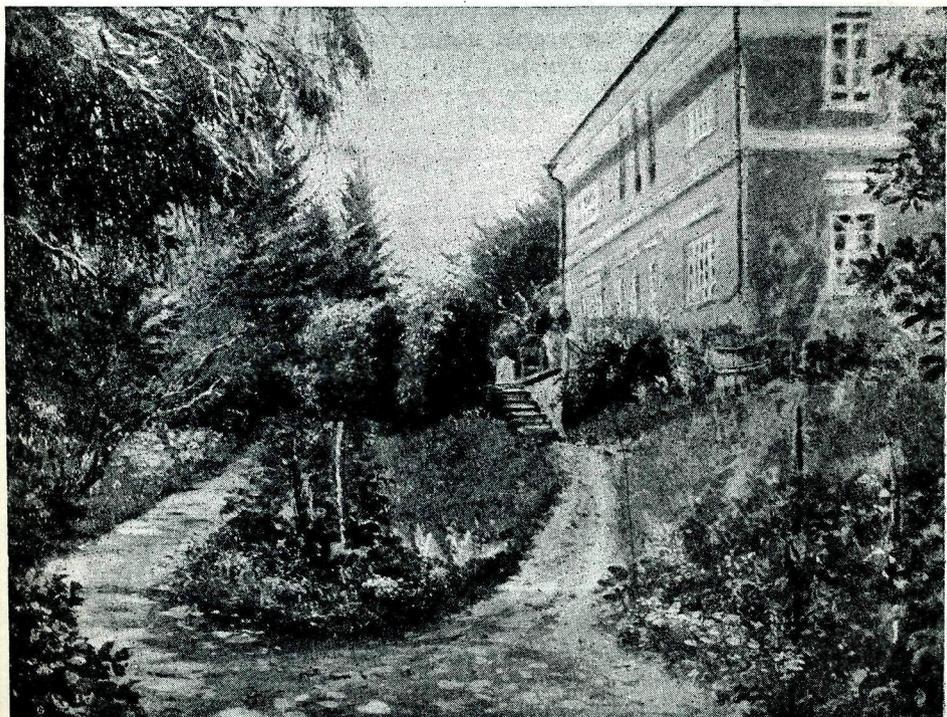
Не приходится в настоящее время доказывать, что самовольное распределение стихотворений редактором по придуманным им или даже по данным автором циклам — путь совершенно ненаучный. Но надо сказать, что обычные пути компонования собрания стихотворений находят серьезнейшие препятствия в способе распределения Фетом своих стихов и характере прижизненных изданий.

В самом деле.

Расположение стихотворений в хронологическом порядке могло бы наглядно выявить эволюцию творчества поэта, выпустившего свой первый сборник одновременно с Лермонтовым, а последний — одновременно с первым сборником Бальмонта. Но для самого Фета хронология его стихов никогда не была композиционным принципом — в своих сборниках он ставит рядом стихотворения, разделенные двадцатилетиями; такая композиция совершенно разрушила бы циклы, проходящие, как сказано, через основные сборники Фета, — а главное, хронология значительной части стихотворений Фета неизвестна или спорна¹⁴.

Не менее серьезные препятствия встречает и все чаще теперь применяемый способ печатания собрания сочинений в виде свода сборников, выпущенных поэтом, в порядке их выхода в свет.

Фет не принадлежал к числу тех поэтов, для которых сборник — органическое целое, своеобразная художественная форма. Издание сборника не знаменовало у него завершения известного творческого периода, а бывало обычно вы-

А. А. ФЕТ В СВОЕМ ИМЕНИИ

Картина Я. П. Полонского, масло

Институт Русской Литературы, Ленинград

звано лишь накоплением достаточного числа стихов или распродажей предыдущего собрания.

«Вечерние огни» можно было бы печатать сборниками, но первый из них — это «собрание нежданых стихотворений», писавшихся на протяжении 25 лет, хронологически заходящее за предыдущее собрание, а дальнейшие выпуски в отношении композиции совершенно хаотичны. Центральные же собрания стихов Фета 1850, 1856 и 1863 гг., относящиеся друг к другу как переиздания со включением новых стихов и исключением ряда старых, напечатать подряд невозможно; можно было бы только перепечатать сборник 1850 г., а затем дополнения из изданий 1856 и 1863 гг. Но печатать эти дополнения, деля каждое из них опять на «Элегии», «Вечера и ночи», «Антологические стихотворения» по 2—3 в каждом, невозможно, печатая же дополнения, не сохраняя их композиционных членений — значило бы свести на нет самый принцип.

Наконец принятие в основу издания списка, составленного Фетом в 1892 г., имеет следующие преимущества:

«Основной корпус» стихотворений Фета будет ограничен от всего, что автор считал ненужным включать в собрание.

Материал, входящий в этот корпус, будет распределен согласно авторской воле.

Он будет распределен по циклам, которые несомненно являлись опорным пунктом композиции всех изданий Фета при совершенной аморфности сборников.

Но и этот способ имеет серьезные минусы:

Стихотворения, не включенные в список Фета, должны быть распределены по какому-то иному принципу; между тем часть их входила в издания 1850 г. или в журналах в те же отделы, на которые распадается основная часть собрания.

Отделы, объединенные общим заглавием, не всегда внутренне однородны: как не похожи антологические элегии молодости Фета на старческие философские стихотворения «Элегий и дум»!

Список 1892 г., соединяя оглавления нескольких изданий, повторяет их небрежности, не исправляя их.

Так что и проблема композиции стихотворений Фета не дает возможности легкого решения.

VI

Издание Б. В. Никольского может выдержать критику только со стороны полноты собрания. За малыми исключениями все, что было напечатано в журналах и собраниях, было им извлечено; использованы все доступные автографы не только из бумаг Фета, но и хранившиеся у адресатов Фета и их наследников и т. п. Местонахождение многих из этих автографов в настоящее время неизвестно; главное же, что пропали тетради Фета 1886—1892 гг. (о чем дальше), и таким образом для довольно большого числа стихотворений, впервые напечатанных Никольским, его издание осталось единственным источником, что, в виду крайне низких текстологических качеств этого издания, весьма печально. С другой стороны, так как никаких примечаний в издании нет, некоторые стихотворения на случай, экспромты, отрывки, опубликованные Никольским без адресата и реального комментария, предстают читателю и исследователю неразрешимыми загадками.

Собрание полно, конечно, только в отношении оригинальных стихотворений, из переводных включены те, которые не были изданы отдельно¹⁵.

Из помещенных в его изданиях стихотворений Б. Никольский два считал сомнительными, о чем предупредил в предисловии: «Стихотворение «The echoes» едва ли написано Фетом даже в самую раннюю пору его деятельности. Сомнительным кажется по некоторым причинам стихотворение «Какой горячий пламень». По каким причинам Б. Никольскому казалось сомнительным это стихо-

творение, он не сказал, но автограф стихотворения, принадлежавший Н. Н. Черногоброву, хранится во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина. Стихотворение «The echoes» было опубликовано К. Н. Льдовым по списку, полученному от близкого друга Фета — А. Л. Бржеской. Основания, по которым Никольский сомневался в его подлинности, неизвестны.

Зато по всей очевидности не принадлежит Фету безоговорочно помещенное Никольским из рук вон плохое стихотворение «Когда я умру, надо мной...» (Перевод стихотворения Мюссе «Lucie» — III, 336). Это стихотворение помещено в «Библиотеке для Чтения» 1865 г. (т. 184) с подписью Ф. Так Фет никогда не подписывался. До 1842 г. он подписывал свои стихи инициалами А. Ф., а с конца 1842 г. всегда — А. Фет. Все известные нам стихи Фета 1864 и 1865 гг. записаны им в сохранившейся тетради, но этого стихотворения там нет. Правда, Фет сотрудничал в «Библиотеке для Чтения» в 1865 г., но это еще не основание для признания его автором любого стихотворения, подписанного буквой Ф.

Тексты стихотворений, вошедших в издание 1894 г., Б. Никольский печатал по этому изданию, — иногда впрочем с расхождениями вроде приведенных выше. Чем они объясняются — обычно трудно сказать при отсутствии комментария; во всяком случае посмертные материалы, использованные Никольским, были уже в руках Страхова — редактора несравненно более тщательного, чем Никольский. О степени текстологической принципиальности Б. Никольского дает достаточное понятие то, что он два стихотворения (I, 446 и 448) напечатал по изданию 1850 г., восстановив откинутые во всех последующих изданиях строфы, но этим и ограничил пересмотр тургеневской традиции.

Тексты, не вошедшие в издание 1894 г., Б. Никольский печатал по прежним сборникам Фета, а не вошедшие в сборники — по журналам. Рукописи привлекались во всех случаях; но при этом редактор, предпочитавший обычно чтения печатного текста, иногда давал предпочтение тексту автографа — особенно, если в рукописи стихотворение озаглавлено, а в печатном тексте нет, — тут из рукописи часто переносится заглавие. Иногда произведение, имеющее заглавие, переименовывается по рукописи. Нельзя понять, почему, скажем, поэма, названная в печати «Сон», у Никольского названа по рукописи «Сон поручика Лосева», — не потому ли, что название «Сон» дано им по рукописи же стихотворению «Снился берег мне скалистый...», не имеющему заглавия ни в одном печатном тексте, включая издание 1894 г.?

Искажений текста очень много; при этом издательская корректура в этом — внешне вообще безукоризненном — издании проведена прекрасно; так что погрешности его — не простые опечатки, а искажающие текст ошибки. Иногда расхождение с прежними текстами настолько велико, что, думается, не было ли у редактора другого текста; как не подумать этого, читая например вместо:

Ее слова
Так гибко
Шутить в речи
Готовы
И что ключи
Все новы

такой текст:

Ее слова
Так шибко
Звучать в речи
Готовы
И как ключи
Все новы (II, 175).

Но крайне маловероятно, чтобы для этого стихотворения (1842) у Никольского был неизвестный нам автограф. Явно никаких автографов не могло быть для «Лирического пантеона»; документально известно и то, что Фет не имел в виду никогда перерабатывать этот сборник для переиздания; но в стихотворениях, взятых из него, мы находим у Никольского такие варианты: «Где же ты, моя любовь?» вместо «Где ж ты, где, моя любовь?» (II, 606), «предо мной» вместо «надо мной» (II, 642), «крумянцем» вместо «багрянцем» (II, 652), «побудь» вместо «пробудь» (III, 353). Не подлежит поэтому сомнению, что стихотворения списывались из журналов и сборников крайне небрежно и корректуры не сверялись с источниками.

Однако гораздо более этих ошибок поврежден фетовский текст сознательной работой редактора. Б. Никольский провел огромную работу по исправлению Фета. Фет, по мнению Никольского, часто вульгарно выражается. Чем иным объяснить переделку «нынче» на «ныне» (II, 574), «коли» на «коль и» (I, 293), «врозь» на «врознь» (несколько раз)? Иные слова кажутся ему вероятно, как когда-то Тургеневу «вычурными» и вместо «учуял» он ставит «почуял» (I, 489), вместо «дохновение» — «дуновение» (II, 119), вместо «расслушать» — «расслышать» (II, 152), вместо «ветье» — «ветвь» (II, 234).

Фет нетверд в гекзаметре; Никольский в стих

Саконгале к ногам и сказал: «Видишь ли наша» —

вставляет «ей» после «сказал», а стих

Благоуханный елей, злато и каменья цветные

переделывает для правильности так:

Благоуханный елей, злато и каменья цветные

(II, 473—474; ударение на «и» поставлено Никольским).

Он вообще — противник вольных размеров и вместо

Оттого-то в разлуке с тобой
Слышу я беззвучную дрожь —

печатают:

Слышу я и беззвучную дрожь (II, 562).

Он — противник «декадентства»; поэтому вместо фетовского

Родной реки излучистый припев

он печатают:

Родной реки излучистой припев (II, 135)

а стих

Теплы были звезды очей

переделывает в

Светлы были звезды очей.

(II, 25 во II изд.; изд. в 1901 г. — правильно).

Но особенно строго Никольский отнесся к синтаксису Фета. В стихотворении «Когда у райских врат изгнанник...», напечатанном по автографу, он переставил стихи 9—10 и 11—12: вышло действительно гораздо глаже. Это впрочем единичный случай, но систематическое искажение фетовского синтаксиса и — поскольку это связано — фетовской семантики Никольский провел посредством пунктуации.

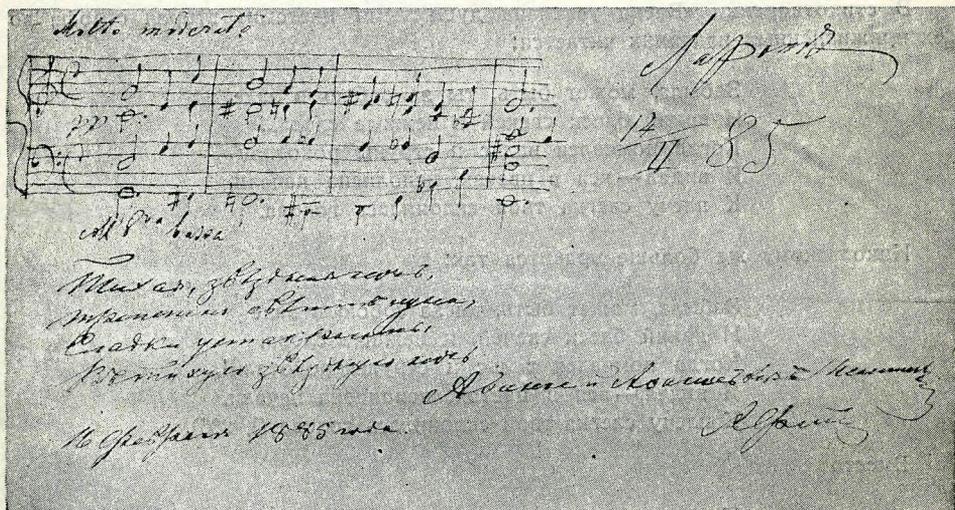
Пунктуирование стихотворений Фета — не простая задача. Корректур своих изданий (во всяком случае до «Вечерних огней») Фет не держал, знаки расставлялись редакторами и корректорами, но и там, где есть автографы, сохранять их пунктуацию нельзя. Фет был крайне скуп на знаки препинания; есть стихотво-

рения сложнейшей синтаксической конструкции почти без единого знака. Все же при сличении автографов с изданиями Страхова и Никольского ясно, что оба часто стремились не к прояснению синтаксических конструкций Фета, а к их переделке. Никольский — последний редактор Фета — так же, как и все предыдущие, сокрушался о неясности Фета и старался посылно изменить его тексты с помощью знаков препинания.

Страхов еще при жизни Фета нередко изменял его пунктуацию.

Так стихи:

Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть.

АВТОГРАФ А. А. ФЕТА В КЛЕВЕРОВСКОМ АЛЬБОМЕ
Государственный Литературный музей, Москва

Страхов, отдавая стихотворение в журнал, переделал так:

Не жизни жаль. С томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!?

и спрашивал Фета в письме: «Посмотрите пунктуацию Ваших стихотворений: я ее делал — хорошо ли?» Фет ответил: «Вашу интерпункцию «с болезненным дыханьем что жизнь и смерть» нахожу гениальной, а потому правильной» («Русское Обозрение» 1901 г., в. I, стр. 95). Тем не менее, в первом выпуске «Вечерних огней» стихотворение («А. Л. Бржесской») напечатано с прежней пунктуацией.

В качестве посмертного редактора, лишенный уже возможностей текстуальных изменений, Страхов старался улучшить текст, меняя синтаксические соотношения.

Фет пишет:

Как солнце вешнее сияя,
В лучах недаром ты взошел...

Страхову кажется логичнее:

Как солнце вешнее сияя,
В лучах, недаром ты взошел...

В двух автографах и всех печатных редакциях читаем:

Лия таинственные слезы
По роцам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром северным одним.

Страхов переносит запятую с конца второго стиха в конец первого.

Все же у Страхова такие синтаксические пределы сравнительно редки. Никольский же проводит их постоянно. По его собственным словам «для настоящего издания пришлось буквально почти все знаки препинания переменить, переместить и дополнить».

Вот несколько примеров.

В стихотворении «Вчера увенчана душистыми цветами» вторая строфа во всех прижизненных изданиях читается:

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей и нежные слова...
Когда помчался вальс и струны рокотали—
Я видел—вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.

Никольскому же больше нравится так:

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей, и нежные слова,
Когда помчался вальс и струны рокотали!..
Я видел,—вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова (I, 286).

Вместо

Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь

Никольский дает:

Спеша навстречу, мне улыбку ты даришь (I, 278).

Так ему казалось логичнее, а с цезурами он не считался. В стихотворении «За кормою струйки вытекает» есть строфа:

Млечный путь глядится в воду—
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу
И луна бежит вослед.

Но Никольскому кажется логичнее, чтобы «и» в последнем стихе соединяло его не с третьим, а с первым. Этого он достигает такими манипуляциями:

Млечный путь глядится в воду—
Светлый праздник светлых лет!
(Я веслом прибавил ходу)—
И луна бежит вослед (II, 96).

Зачастую изменения в пунктуации показывают совершенное непонимание фетовских оборотов. Например вместо

И мне—мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листы

появляется:

И мне,—мне, кажется, понятно,
Что шепчут куполу листы (I, 181).

Что говорить о своеобразных синтаксических ходах Фета, о его смелых неправильностях, об интонациях, часто неопределенных, скользящих из вопросительной в повествовательную,—все это прикручено к школьной грамматике скобками, тире, вопросительными и восклицательными знаками, многоточиями. Особенно много многоточий. Ими Никольский как бы извиняется за недостаток логической последовательности, за «бессвязность» Фета. У Фета в конце строфы почти всегда точка, но Никольский не может допустить, чтобы сочинительные или противительные союзы — и, а, но — начинали фразу, и вяжет все стихотворение в какой-то сплошной разговор, кстати, нередко со вступительными тире и кавычками; здесь, мол, говорит автор, а здесь ему отвечают сны и тени. Конечно, эти границы сплошь да рядом совершенно произвольны, так как художественный эффект рассчитан на неясность, а не на имитацию диалога. Очень любит еще Б. Никольский двоеточия: одно положение вытекает из другого, стихотворение приобретает вид теоремы.

Нужно много примеров, чтобы показать, как разрушены интонации Фета в издании, по которому Фета 30 лет знают его читатели и ценители; ограничусь одним примером.

А. А. ФЕТ, Н. Н. СТРАХОВ и Я. П. ПОЛОНСКИЙ
Фотография 1880-х гг.

Институт Русской Литературы, Ленинград

У Фета:

Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих?

И светлого мая
Красы голубой,
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой?

У Б. Никольского:

Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих

И светлого мая
Красы голубой?
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой? (II, 581).

Издание Б. Никольского переиздавалось два раза: в 1910 г.— без всяких изменений— и в 1912 г.— в приложении к «Ниве».

Внешность последнего издания по сравнению с предыдущими гораздо скромнее, бумага хуже, печать компактнее, материал уложен в два тома, портрет дан один (в предыдущих изданиях четыре). По содержанию издание разнится от предыдущих отсутствием редакторского предисловия и хронологического указателя, отсутствием подотделов внутри отделов, добавлением стихотворений, найденных и опубликованных за десятилетие, и рядом новых опечаток. Как все приложения к «Ниве», это издание было выпущено огромным тиражом и до сих пор не сходит с прилавков магазинов «Старой книги».

После 1912 г. вышло только два изборника, не имеющих никакого текстологического значения.

VII

Нельзя сказать, чтобы за двадцать с лишком лет, прошедших со времени последнего издания, было опубликовано что-нибудь существенное из поэтического наследия Фета. Из новых лирических стихотворений можно считать опубликованными только два: «Когда опять по камням заиграет...», напечатанное в публикации Е. Покровской «Фет в переписке с И. П. Борисовым» («Литературная Мысль», сб. I. 1923 г., стр. 212) и «Дифирамб на Новый Год», напечатанный в книге Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета» (Л. 1924, стр. 65—66). Была еще попытка опубликовать стихотворение «Заревая вьюга...» — но попытка совершенно неудачная. Стихотворение это написано Фетом на полях остроуховского экземпляра взамен зачеркнутого Тургеневым «Ветер злой, ветр крутой в поле...» Но Тургенев не принял нового стихотворения, и оно осталось ненапечатанным. Его напечатал Ю. А. Никольский в упоминавшейся статье «Материалы по Фету» (стр. 258), но неверно прочтя в трудно читаемом карандашном наброске четыре слова, получил текст настолько странный, что публикацию его пришлось сопроводить рассуждением о том, что «для поэта звуки предшествуют мысли», что стихотворение зарождается из музыкальной мелодии, в которой смысл проступает пока только пятнами», между тем как на самом деле в стихотворении нет ничего непонятного. Вот его действительный текст¹⁶:

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ.

СОБРАНИЕ НЕИЗДАНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

А. ФЕТА.

МОСКВА 1882.

Составил М. П. Шеншиной. Издание второе, 1912 г.

ЭКЗЕМПЛЯР «ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ» А. А. ФЕТА. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
М. П. ШЕНШИНОЙ НА ОБОРОТЕ ФОРЗАЦА

Исторический Музей, Москва

Заревая вьюга
Все позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.

Подойти к окошку —
Долго ль до беды?
А проснутся завтра —
Разберут следы.

В огород — собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» —
И нельзя нейти!

По плетню простенком
Проберусь как раз,
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!

Остальные публикации стихотворений Фета — это отрывки, экспромты, стихотворные шутки и т. п. Вот список как опубликованного с 1912 г., так и более ранних публикаций, не использованных в издании 1912 г.:

«Летела птичка, пала в речку...» — детский стихотворный перевод Фета. — «Ранние годы моей жизни», стр. 17.

«Нет, сколько козней ты ни крой...» — строфа из сатирического стихотворения на мать М. П. Погодина — там же, стр. 125.

«Мы все рубаки средь колбас...» — два стиха, перевод с немецкого, — там же, стр. 248.

«В зверинец мой раскрыты двери...» — 12 строф из стихотворения «Полковой зверинец» — там же, стр. 295—296. С комментариями и портретами всех упоминаемых лиц перепечатано в книге А. Григоровича «История 13-го Драгунского Военного Ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка» Т. II. СПб. 1912, стр. 156—157.

«Поднялася пыль степная...» — первая строфа кантаты в честь Николая I — «Ранние годы моей жизни», стр. 328.

«Не толкуй об обезьяне...» — эпиграмма из письма к П. И. Борису. Напечатана без двух последних строк (по нецензурности) как эпиграф к статье Фета «Где первоначальный источник нашего нигилизма?» — «Сев. Цветы на 1902 г.», стр. 191.

«Свиданье наше предвкушая...» — четверостишие в письме к К. Ф. Ревелиоти. — А. Григорович. «Ист. 13-го Драг. полка», т. II, стр. 226.

«Оглянитесь вы на бога!..» — четверостишие в письме к П. Н. Каратееву. — Б. Садовской. «Ледоход. Статьи и заметки». П. 1916, стр. 99.

«Православья где примеры?..» — строфа из студенческого стихотворения Фета, цитируемая по памяти Полонским в письме к Фету. — «Ап. Ал. Григорьев. Материалы для биографии» под ред. Вл. Княжнина. П. 1817, стр. 339.

«Амур — начальник Гименяя..!» — стихотворное письмо — очевидно, П. Н. Каратееву. — «СОЮ. Первый сборник стихов. РСФСР. IV год I века.» Стр. 30¹⁷.

«Возвестил народу...» — шестистишие в письме к Полонскому. — Н. Колпакова. «Неизданный Фет» — «Поэтика. Сборник статей». I. Л, стр. 130.

«Ответ старого поэта на 37 году от роду...» — из альбома М. П. Боткиной. — Фет. — Там же, стр. 131.

«Тебя я пуще ждал всего...» (Ф. Е. Коршу) — в публикации Н. М. Мендельсона «Письма Ф. Е. Коршу к А. А. Фету». — Сборник Публичной Библиотеки СССР им. Ленина.» М., 1928, стр. 47—48.

Отмечу еще публикации вариантов и ранних редакций стихотворений Фета, взятых из остроуховского экземпляра — в упоминавшихся выше статьях Ю. А. Никольского и Д. Д. Благого — и из тетрадей Фета: 1) в статье Б. А. Садовского «Рукописи А. А. Фета. (Важнейшие разночтения)» в его сборнике «Ледоход», стр. 84—94; 2) в упомянутой статье Н. П. Колпаковой «Неизданный Фет». Эти четыре статьи далеко не исчерпывают материала; и в остроуховском экземпляре, и в рукописях есть большое количество неопубликованных вариантов, проливающих свет на творческую историю известнейших стихотворений и иногда сильно меняющих их восприятие.

Указанным, сколько мне известно, исчерпываются новые публикации стихотворений Фета. В архивах есть еще неопубликованное, но почти все того же типа экспромтов и стихотворений на случай. Но это не значит, что кроме домашних мелочей все стихи Фета опубликованы. Повидимому, многое ненапечатанное утеряно, а может быть еще всплывет.

В предисловии к III выпуску «Вечерних огней» Фет сам говорит о «совершенной утрате тех стихотворений, которые в течение многих лет случайно ускользнули от рук его друзей». Таким высказываниям Фета не следует слепо верить, — но есть косвенные свидетельства. Так А. В. Дружинин писал Л. Н. Толстому 31 декабря 1859 г.: «Фет прелестен, но стоит на опасной дороге, скарденность его одолела, он уверяет всех, что умирает с голоду и должен писать для денег. Раз вбивши себе это в голову, он не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих стихотворений, и есть надежда, что, наконец, «Трубадур» и «Рододендрон» будут напечатаны¹⁸. Ср. в воспоминаниях Б. Н. Чичерина: «Оба приятеля (Тургенев и Анненков) восторгались

недавно вышедшими стихотворениями Фета. Стихи читались вслух; отмечались их поэтические красоты, а иногда смеялись над прорывавшимися в них бессмыслицами. Тургенев знал наизусть два стихотворения, одно под заглавием «Мщение трубадура», а другое с повторяющимся в конце каждой строфы стихом: «Рододендрон, Рододендрон!» В обоих с первой строфы до последней не было ни малейшего смысла и ничего нельзя было понять»¹⁹. «Рододендрон» опубликован после смерти Фета и вошел в издание 1912 г., но стихотворение «Трубадур» или «Мщение трубадура» неизвестно.

В «Словаре членов общества любителей российской словесности при Московском университете» (М. 1911) указано, что Фет 16 января 1860 г. читал в этом обществе свое стихотворение «Весенняя песня», а 9 февраля 1864 г. — стихотворение «Дорога». Стихотворение «Дорога» неизвестно, а «Весенняя песня», читанная в 1860 г., по всей очевидности не та «Весенняя песня», которая напечатана в «Москвитянине» 1842 г. и забракowana при составлении издания 1850 г.

Сведений же об утраченных стихотворных переводах Фета — целый ряд.

VIII

Б. В. Никольский очевидно проделал библиографическую работу, необходимую для его издания, но так как результаты ее, в виду отсутствия комментария в его издании, не опубликованы, а рукописные материалы не сохранились, то вопрос о библиографии стихотворений Фета остается открытым, и для разрешения его нужен просмотр всех периодических изданий, в которых Фет мог сотрудничать за пятьдесят с лишним лет своей литературной деятельности. Напротив, переводы Фета, кроме мелких, вошедших в издание Никольского, библиографированы в «Обзоре жизни и трудов русских писателей и писательниц» Д. Д. Языкова, вып. 12, стр. 215—226. (СПБ., 1912). Здесь не указан только один перевод, напечатанный в нотах:

«Реквием». На четыре голоса. Музыка В. А. Моцарта. Перевод А. Фета. М. Изд. П. Юргенсона. 1890, 79 стр.

В том же обзоре библиографирована проза Фета — художественная, критическая, публицистическая и мемуарная. Список не полон, но его дополняет библи-

КАРИКАТУРА Ш. А. СТЕПАНОВА
НА ФЕТА КАК ПЕРЕВОДЧИКА
ГОРАЦИЯ

Из альбома «Знакомые» 1857 г.

ография «Проза Фета», составленная В. С. Федина и помещенная в его книге «А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике», стр. 25—28. (П. 1915). В этот список почему-то не включено кое-что указанное Языковым, но вместе оба списка дают довольно полную библиографию. Ни в тот, ни в другой список не попали лишь две известных мне статьи:

«По поводу статуи г. Иванова». — Художественный сборник под ред. гр. А. С. Уварова, ч. I, стр. 75—92. М. 1866.

«Из деревни». — «Заря» 1871, кн. 6, стр. 3—86.

Переводческая деятельность Фета громадна. Он перевел стихами чуть ли не всех римских поэтов — Горация, Вергилия, Овидия, Катулла, Тибулла, Персия, Проперция, Марциала, Ювенала, перевел «Фауста» Гете, несколько драм Шекспира, основные философские сочинения Шопенгауэра и др. Переводы эти вряд ли нуждаются в переиздании иначе как в выборках в собрании стихотворений Фета. Иное дело художественная проза Фета — шесть разбросанных по журналам рассказов — и в особенности его мемуары, давно ставшие библиографической редкостью.

Мемуары эти («Мои воспоминания». 2 ч. М., 1892; «Ранние годы моей жизни». М., 1893) — на особом положении в истории русской литературы. Это материал исключительной важности, один из мемуарных источников наиболее часто цитируемых, в особенности исследователями Льва Толстого и Тургенева; в то же время — источник, требующий максимально критического отношения к себе.

Прежде всего Фет, писавший (вернее диктовавший) свои мемуары в возрасте уже весьма преклонном, плохо помнил последовательность событий (не говоря уже о датах) и часто переворачивал, контаминировал и искажал их.

Но помимо этого многое Фет искажал сознательно. В жизни его было много событий, которые он привык скрывать и замазывать, и центральные факты его личной жизни (происхождение, романы, женитьба, отношения с сестрами и братьями и т. п.) описаны какой-то тайнописью, соединенной с явными измышлениями.

Но и те события, в которых скрывать было нечего (как, скажем поступление в офицеры, отставка, переселение в деревню), описываются лишь внешне правильно; пружины же, двигавшие поступками, неизменно утаиваются. Это определило тон мемуаров: внешнее описание событий, создающее, с одной стороны, впечатление композиционной бесхребетности, с другой — впечатление недоумения от противоречия видимой целенаправленности всех решений и поступков Фета с неясностью направляющих целей.

Нельзя доверять и характеристикам людей в этих мемуарах. Биограф Фета пишет: «Говоря в своих мемуарах о Введенском, Фет спокойно во всех подробностях рассказывает ряд эпизодов, рисующих Ирнарха Ивановича в весьма непривлекательном виде, но ни одним словом не упоминает о том, как кончились их отношения. У Фета это обычный прием. Если человек нанес ему обиду, он в своих воспоминаниях не пощадит его, но корня обиды не раскроет. Так говоря с осуждением о Щедрине, он умалчивает об иглах, направленных в него Щедриным в печати. Отзываясь неблагоприятно о своей племяннице О. В. Шеншиной (в замужестве Галаховой), он сохраняет в тайне ее намерение повести против него процесс и т. д.» (Г. Блок «Рождение поэта». Л. 1924, стр. 111).

Один из наиболее подробно описанных в мемуарах периодов жизни Фета — это время службы его в кирасирском полку Военного ордена. Но вот что пишет историк этого полка: «Воспоминания А. А. Фета (Шеншина), составленные через тридцать лет по оставлении поэтом полка, могли быть использованы лишь частично, в виду несомненных неточностей, выясненных документами» (А. Григорович. Упом. соч., стр. V); «С одним из лиц, задетых Фетом, составителю истории привелось беседовать и видеть слезы, вызванные незаслуженной обидой» (стр. 164) и т. п.

В своих мемуарах Фет опубликовал большое количество писем к нему — главным образом Тургенева, Толстого и В. Боткина. Фет напечатал далеко не все их письма; почему-либо неприятные для него он пропускал; но, как выяснило сличение с оригиналами, и в напечатанных письмах постоянны пропуски и прямые искажения²⁰.

Нередко описанные в мемуарах люди зашифрованы псевдонимами (примеры в цит. кн. Г. Блока, стр. 33) и т. д.

Все это создает для будущего редактора мемуаров Фета большие трудности в части комментария, который должен шаг за шагом следовать за текстом, вскрывая его ошибки, искажения и недомолвки.

Существенное значение для истории русской литературы имеет и эпистолярное наследие Фета. В особенности существенна переписка его с писателями; при обыкновении Фета посылать литературным друзьям и обсуждать в письмах свои стихотворения, письма его имеют совершенно исключительное значение для текстологии и истории создания его стихов. К сожалению наиболее интересные письма Фета до нас не дошли.

Из двух наиболее существенных переписок — с Тургеневым и со Страховым — до нас дошли почти исключительно письма корреспондентов Фета. Из писем Фета к Тургеневу имеются пять в ИРЛИ да черновики и неоконченный беловик во Всесоюзной Библиотеке им. Ленина. Можно надеяться, что письма Фета к Тургеневу всплывут еще когда-нибудь во Франции, но сейчас о них никаких сведений у нас нет. Из писем Фета к Страхову сохранилось 26, периода 1877—1883 гг. Из дальнейшей интенсивной и непрерывной переписки сохранились только письма Страхова²¹.

Большое собрание писем к Фету В. П. Боткина хранится во Всесоюзной Библиотеке им. Ленина. Большая часть этих писем опубликована самим Фетом в «Мои воспоминаниях», часть Н. М. Мендельсоном во «Втором сборнике Публичной Библиотеки СССР»; часть не опубликована. Но письма Фета к Боткину не сохранились или по крайней мере теперешнее их местопребывание неизвестно. Из писем к Анненкову и к Некрасову сохранилось по три письма к каждому.

Исключительное значение имеет переписка Фета с Полонским (ИРЛИ). Подробное обсуждение новых стихотворений того и другого, споры по общим вопросам эстетики, литературы, политики, оценки текущих литературных явлений делают эту переписку источником первостепенной важности. Но и она дошла до нас не полностью. Систематическая переписка начинается с 1887 г. За 1887—1892 гг. письма Полонского сохранились полностью, письма же Фета с большим пропуском. Всего в ИРЛИ их за этот период — 64, по ответным же письмам Полонского видно, что утеряно не меньше трети писем Фета. Отсутствуют письма за 1890 и половину 1891 г.

Небольшая часть переписки Фета и Полонского опубликована в «Иллюстрированном приложении к Новому Времени». В числе напечатанных здесь писем Фета — семь, отсутствующих ныне в собрании ИРЛИ.

Целиком сохранилась большая переписка Фета с К. Р. За шесть лет (1886—1892) Фет написал 118 писем. В них тоже много интереснейших высказываний Фета по самым разнообразным вопросам, но по серьезности и искренности они далеко уступают письмам к Полонскому.

Сохранились письма к Л. Н. Толстому, 1862—1880 гг.

Приведу общий список сохранившихся в автографах, диктатах или копиях, а также напечатанных писем Фета²².

П. В. Анненкову. 3 п. 1861. ИРЛИ.

И. П. Борису (впоследствии И. П. Борису и Н. А. Борисовой, рожд. Шеншиной). 1) 10 п. 1848—1851 гг. ИРЛИ (опubl. в ст. Е. Покровской «Фет в переписке с И. П. Борисовым. «Лит. Мысль» 1923, I, стр. 211—228); 2) 45 п. 1848—1871 гг. ВБЛ.

- П. И. Борису. 133 п. 1871—1884. ВБЛ.
- Д. П. и С. С. Боткиным. 1) 10 п. 60-е гг.—1882. ИРЛИ; 2) 85 п. 1874—1888. ВБЛ.
- М. П. Боткину. 1) 1 п. 1887 г. ИРЛИ; 2) 1 п. без даты. ВБЛ.
- С. П. Боткину. 1 п. в копии. 1887 г. ВБЛ.
- И. И. Введенскому. 7 п. 1838—1841. ИРЛИ. (опубл. в кн. Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета». Л. 1924).
- В. П. Гаевскому. 1 п. 1858 г. ИРЛИ.
- Н. В. Гербелю. Записка 1853 г. и 4 п. 1877—1878. ГПБ.
- Д. В. Григоровичу. 3 п. 1888—1889. ИРЛИ.
- А. Ф. Дамичу. 3 п. 1885—1888. ГПБ.
- А. В. Дружинину. 1) 11 п. 50-х гг. Гос. Лит. Музей; 2) 1 п. б. д. ВБЛ.
- Е. Д. Дункер (р. Боткиной) и К. Г. Дункеру. 21 п. 1887—1892. ИРЛИ.
- И. М. Ивакину. Записка на визитной карточке. ВБЛ.
- А. И. и Т. И. Иост и О. И. Иост, р. Щукиной. 78 п. в копиях. 1870—1891. ВБЛ.
- К. Р. 118 п. 1886—1892. ИРЛИ.
- П. И. Капнисту. 2 п. 1891 и 1892 гг.—«Русские Вед.» 1904 г. № 14, стр. 3.
- П. Н. Каратееву. 5 п. 70—80-х гг. Б. Садовской. «Ледоход». П., 1916. стр. 97—101.
- М. Н. Каткову. 1 п. 1864 (?). ИРЛИ.
- А. А. Краевскому. 4 п. 1854—1855. ГПБ.
- А. А. Лебедеву. 1 п. сер. 70-х гг. ИРЛИ.
- М. Н. Лонгинову. 6 п. конца 50-х гг. ИРЛИ.
- А. Н. Майкову. 3 п. 1884 и 1889. ИРЛИ.
- Л. Н. Майкову. 1 п. 1888. ИРЛИ.
- А. Меншикову. 1 п. 1869. ВБЛ.
- Мещерякову. 1 п. 1867. ВБЛ.
- А. П. Милюкову. 1 п. 1886. ИРЛИ.
- М. А. Милютиной. 1 п. 70-х гг. Б. Садовской. «Ледоход», стр. 96.
- Д. И. Нагуевскому. 1) 25 п. 1887—1889. ГПБ. 2) 1 п. 1890. ВБЛ.
- Н. А. Некрасову. 3 п. 1854 и 1859.—«Архив села Карабихи». М., 1916. стр. 215—219.
- И. Н. Новосильцову. 2 п. б. д. ВБЛ.
- В общ. люб. рос. словесности. 1 п. 1880. ВБЛ. (опубл. с факсимильным воспроизвед. в журн. «Искусство» 1923 г., № 1, стр. 339).
- А. В. Олсуфьеву. 119 п. в копиях. 1886—1891. ВБЛ.
- И. С. Остроухову. Архив Гос. Третьяковской Галереи.
- В. Л. Фросимовой. 2 п. б. д. ВБЛ.
- П. П. Перцову. 3 п. 1891.—П. Перцов. «Литературные воспоминания». М.—Л., 1933, стр. 102—106. (Первоначально в «Сев. Цветах» на 1901 г.).
- П. Л. Пикулину. 1 п. б. д. ВБЛ.
- М. П. Погодину. 1 п. 1849 г.—Б. Садовской. «Ледоход», стр. 95—96.
- Я. П. Полонскому. 1) 9 п. 40—60 гг. ИРЛИ. 2) 1887—1892. 64 п. ИРЛИ. 3 п. из этого числа и 7 п., отсутствующих в ИРЛИ, напеч. в «Илл. прилож. к газ. «Новое Время» от 4, 11 и 18 января 1914 г.
- М. И. Пыляеву.—«Русская Старина» 1908 г., № 2, стр. 256.
- К. Ф. Ревелиоти. 3 п. 1879.—А. Григорович. «История 13-го драг. полка». СПб., 1912, стр. 223—226.
- Н. П. Семенову. 22 п. 1884—1892. ВБЛ.
- Н. М. Соллогуб. 3 п. 1888.—«Неизданные письма А. А. Фета». Сообщил Ал. Тиняков. В кн. «Прафенон. Сб. I». СПб., 1922.
- О. М. Соловьевой. 4 п. 1884.—Б. Садовской. «Ледоход», стр. 101—104.
- Н. Н. Страхову. 26 п. 1877—1883. ВБЛ. (12 п. опубликовано в «Русском Обозрении» 1901 г., вып. I, стр. 71—101).

А. П. Тинькову. 1 п. 1881. ВБЛ.

С. А. Толстой (жене А. К. Толстого). 11 п. 1880—1888. — «Вестник Европы» 1908 г., т. I, стр. 218—228.

С. А. Толстой (жене Л. Н. Толстого). 68 п. 1875—1891. ВБЛ.

А. К. Толстому. 1 п. 1869. Гос. Исторический Музей.

Л. Н. Толстому. 141 п. 1862—1880. ВБЛ.

И. С. Тургеневу. 1 п. 1860 и 4 п. 1873—1875. ИРЛИ. Одно из этих писем неисправно опубликовано в книге «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, стр. 478—480 и перепечатано Б. Садовским в его сборнике «Ледоход», стр. 173—175.

Н. Ф. Федорову. 1 п. 1887. — В. А. Кожевников. «Н. Ф. Федоров». М., стр. 319—320.

Е. М. Феоктистову. 3 п. 1890. ИРЛИ.

М. П. Фет, р. Боткиной. 95 п. 1857—1887. ВБЛ.

Д. Н. Цертелеву. 15 п. 1887—1892. ИРЛИ.

С. П. Шевыреву. 4 п. 40-х гг. ГПБ.

П. А. Шеншину. 6 п. 1873—1878. ВБЛ.

А. В. Шереметеву. 1 п. б. д. ВБЛ.

В. И. Штейну. 2 п. 1887. ИРЛИ.

Неизвестным. 8 п. — ВБЛ. 1 п. — ИРЛИ.

Неоконченные письма:

В. П. Боткину. 1 п. б. д. ВБЛ.

А. Л. Бржеской. 1 п. 1884 (?) ИРЛИ.

Крестьянам. Яхонтовского общ. ВБЛ.

И. С. Тургеневу. 1 п. 1867. ВБЛ.

Черновики (ВБЛ):

П. П. Боткину; П. П. Вяземскому или И. Д. Делянову (1882); И. Д. Делянову (1883); П. Н. Исакову; Г. Листу; М. Т. Лорис-Меликову; А. Ф. Марксу; Ш. Нибергаль (? 1881); С. А. Петровскому; И. В. Помяловскому; П. И. Постникову; П. М. Третьякову (1892); И. С. Тургеневу (1867); Е. М. Феоктистову; Е. С. Хомутовой (1890?); П. А. Чижевскому.

Как видно уже из приведенного списка писем, основные архивные материалы по Фету сосредоточены в двух томах — в Рукописном отделении Инст. Русской Лит. Акад. Наук и в рукописном отделении Вс. Библ. им. В. И. Ленина. Основная часть первого фонда была куплена Инст. Русск. Лит. в 1920 г. у наследников Фета — Боткиных. Основу второго фонда составило собрание Н. Н. Черногоубова. Н. Н. Черногоубов много лет собирал материалы по Фету, в свое время обследовал б. имение Фета Воробьевку и извлек все находившиеся там бумаги Фета.

Оба фонда почти исчерпываются письмами Фета и к Фету и кое-какими документами, относящимися к его службе мировым судьей, помещицкому и до-машнему хозяйству. Автографов стихотворений во Вс. Библ. — небольшое количество на отдельных листах. ИРЛИ же обладает единственными двумя сохранившимися тетрадями стихотворений Фета. Они поступили в ИРЛИ от наследников Б. В. Никольского. Никольский получил их вероятно от Страхова или К. Р. Это большие тетради (108 и 138 листов) в кожаных переплетах с тиснением. Они охватывают период 1854—1885 гг. и содержат перебеленные и нередко тут же переработанные стихотворения. В первой тетради — только автографы, во второй — частью автографы, частью списки.

Рукописей Фета до 1854 г. вероятно не было уже при жизни поэта; должно быть они пропали в походных скитаниях. Но рукописи после 1854 г. составляли 10 тетрадей. Все эти тетради (описанные Б. Садовским в «Ледоходе», стр. 185—187) принадлежали Б. В. Никольскому; местонахождение 8 тетрадей, не поступивших в ИРЛИ, в настоящее время неизвестно. Правда, эти тетради содержали

не автографы, а почти исключительно секретарские списки. Той же рукою писанные копии посылались Страхову, Полонскому и др. Но, поскольку неизвестно местонахождение писем к Страхову и частью к Полонскому, поскольку утеряны, повидимому, ранние рукописи и не выявлены письма Фета к Тургеневу, надо сказать, что и по отношению к рукописному наследию исследователь Фета находится в условиях исключительно неблагоприятных, и будущие находки могут поставить работу, сделанную по наличным ныне материалам, на ступень предварительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К отдельным изданиям стихотворений Фета надо еще причислить два отдельных листка:

Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным. В день 25-летия их свадьбы 16 января 1884 г. Москва. Цензурное разрешение 17 января 1884 г.

На пятидесятилетие моей Музы. С датой: 28 января 1889 года.

² Издание 1856 г. корректировал Тургенев (часть продержанной им корректуры хранится в ИРЛИ), а издание 1863 г.—Кетчер. Боткин писал по этому поводу: «Стихи, которых корректуру держал Кетчер—глухой, слепой и мертворожденный для поэзии и для всех искусств!!!» («Мои воспоминания» Фета, ч. I, стр. 424).

³ Этот экземпляр после смерти Фета был подарен его вдовой Н. Н. Страхову. В настоящее время хранится в библиотеке Ленинградского университета.

⁴ По крайней мере в предисловии к IV выпуску Фет специально оговаривает, что «раскрывает небольшое окошечко четвертого выпуска в крайне ограниченном числе экземпляров».

⁵ История остроуховского экземпляра дана в упомянутой статье Д. Д. Благого,—но дана неверно. Д. Д. Благой пишет:

«Во время подготовки издания 1856 г. Фет находился вне Петербурга и все сношения его с Тургеневым и предводительствуемым последним «дружеским кружком» происходили по почте. «Почти каждую неделю,—рассказывает Фет,—стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений». Однако этот рассказ не совсем точен. Вместе с письмами между Фетом и «кружком» все время ходил печатный экземпляр его стихотворений издания 1850 г., положенного, как упоминалось, в основу нового собрания. Все подчеркивания стихов и отметки с требованиями их исправлений, часто подробно мотивированные, делались не в письмах, а непосредственно в печатном тексте. Если изменения, даваемые Фетом тут же на полях книги, не удовлетворяли «кружок»,—следовали новые указания,—и так до получения окончательного текста 1856 года. Все эти, как первые, так и повторные, отметки и указания принадлежат руке самого Тургенева» (цит. ст., стр. 55).

Прежде всего совершенно неверно, что остроуховский экземпляр отражает всю работу по редактированию издания «до получения окончательного текста». Во-первых, есть несколько стихотворений (7), имеющих разночтения в издании 1856 г. по сравнению с первым, но не отмеченных никакими указаниями в остроуховском экземпляре. Во-вторых, есть не мало стихотворений, имеющих кроме разночтений, связанных с указаниями остроуховского экземпляра, варианты никак с ними не связанные и объяснимые только новыми требованиями со стороны Тургенева. В-третьих, варианты, данные Фетом на полях остроуховского экземпляра, часто не совпадают с появившимися в издании 1856 г., из чего опять-таки видна дополнительная работа, не отраженная в остроуховском экземпляре.

Нет достаточных оснований и для самой гипотезы о том, что книга ходила по почте между Фетом и Тургеневым несколько раз: в остроуховском экземпляре нет никаких пометок Тургенева, касающихся данных Фетом вариантов,—все они относятся только к печатному тексту; очень редки случаи, чтобы, когда Фетом даются два варианта, один из них был зачеркнут; и эти несколько случаев вполне объяснимы тем, что Фет сам переработал или заменил предложенный им вариант, так как повидимому варианты, приходившие ему в голову, нередко, если не во всех случаях, сразу набрасывались на поля остроуховского экземпляра. Гораздо менее вероятно, чтобы Тургенев вторично послал книгу Фету, зачеркнув лишь два или три варианта, в то время как очень большое количество их не было им принято.

Нет вообще следов того, чтобы Тургенев или Фет наносил свои пометки одновременно, хотя такое впечатление получается от описаний Д. Д. Благого. Так он пишет:

«Около двух последних строк этой пьесы («Каждое чувство бывает понятней мне ночью...») —

Так, посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научает ее мир созерцать и себя —

встречаем обычную отметку «переменить». Фет заменяет неодобренное двустипное новым:

Если дано человеку увидеть Психею нагую
Верю, доступней всего дева в подобную ночь.

По поводу нового варианта Тургенев высказывается уже определеннее: «к чорту философию», читаем на полях, рядом с ним (стр. 59).

В действительности, сколько можно судить по внешнему виду, это одна пометка: «перем. К чорту Философия!», начатая против последних двух стихов печатного текста, но так как поля узки, она написана в три ряда, и против двух последних Фет дал под стихотворением свой вариант. Да и по существу отзыв «философия» очевидно подходит к печатному варианту, а не к данному взамен его.

Замену слов «зефир вечеровой» в стихотворении «Диана» Д. Д. Благой описывает так: «Фет меняет последовательно: «ветер заревой» и, в виду продолжающегося неудовольствия редактора, — «ветер на заре» — экземпляр И. С. Остроухова, стр. 101» (цит. ст., стр. 61). Ссылку эту естественно понять так, что оба варианта даны в остроуховском экземпляре, и — так как второй здесь по всей вероятности явился результатом отвержения первого Тургеневым (Тургенев систематически вытравлял у Фета слово «заревой») — это придало бы убедительности гипотезе Д. Д. Благого. Но на стр. 101 остроуховского экземпляра вписан только первый вариант — «но ветер заревой».

⁶ Паняева, А. Я. Воспоминания. Л., 1928, стр. 270

⁷ Интересные материалы о Тургеневе, как редакторе русских поэтов, собраны в упомянутой статье Д. Д. Благого, где прослежена и история «опеки» Тургенева над творчеством Полонского.

⁸ Ковалевский, П. М. Встречи на жизненном пути. Л., 1928, стр. 418.

⁹ «Архив села Карабихи». М., 1916, стр. 216.

¹⁰ Письмо от 7 мая 1856 г. (Гос. Лит. Музей).

¹¹ Библиотека К. Р. частью вошла в состав библиотеки ИРЛИ, частью в состав библиотеки Гос. Академии Материальной Культуры. Последняя библиотека несколько лет назад сдала часть беллетристического материала в книжный фонд, а другую часть продала в «Международную Книгу». Книги с пометками Фета, если они сохранились в библиотеке К. Р., попали очевидно в это число, так как в библиотеке ИРЛИ их нет.

¹² Николаев, Ю. Поэзия Фета. — «Московские Ведомости» 1892 г., № 328.

¹³ Елагин, Ю. Поэзия Фета. — «Русский Вестник» 1893 г., т. 226, кн. 5.

¹⁴ Это наглядно показал опыт «Хронологического указателя», приложенного к изданию Никольского.

Этот указатель точен только за годы 1885—1892. Начиная с III выпуска «Вечерних огней», почти каждое стихотворение имеет в печати дату. Стихи 1891—1892 гг. датированы в издании 1894 г. по недошедшим до нас тетрадям, так же датированы в изд. Никольского стихотворения 1885—1892 гг., не вошедшие в издание 1894.

За остальное время стихотворения в огромном большинстве не датированы в указателе определенным числом, а лишь расположены в большие группы (часто по 2—3 года), внутри которых порядок должен соответствовать последовательности написания.

Все стихотворения, написанные до 1854 г. датированы временем их появления в печати, часто совершенно не соответствующим времени написания, особенно для стихотворений впервые появившихся в сборниках (тут уж последовательность воспроизводит только последовательность расположения в сборнике). Так некоторые стихотворения, написанные по всей очевидности в 1842 г. или еще раньше, попадают в рубрику «до 14 декабря 1847 г.» и т. п. Но за исключением нескольких случаев материала для датировок за этот период действительно нет.

Указатель за 1870—1884 гг. самому автору представлялся наиболее сомнительной частью его труда; в этой части он пестрит звездочками, которыми Никольский обозначал свою неуверенность.

Зато за 1854—1869 гг. указатель, по словам его составителя, «может считаться непрерываемым». Он воспроизводит последовательность записи стихотворений в двух чистовых тетрадях. Никольский исходил при этом из следующих предположений:

1) что порядок записи стихотворений в тетради строго соответствует порядку их написания,

2) что в тетради записывались все стихотворения.

На основании второго предположения все стихотворения, печатавшиеся в журналах в период 1854—1857 гг., но не записанные в первую тетрадь, попали в рубрику «до 4 января 1854 г.». Все же стихотворения, записанные в этой тетради, попали в рубрику «после 4 января 1854 г.», так как эта дата вытиснена на корешке первой тетради.

Н. Н. Черногузов в статье «К хронологии стихов Фета» («Северные Цветы на 1902 г.», стр. 215—224) рядом библиографических и биографических сопоставлений разбил вдребезги предположения Никольского, и в издании 1912 г. указатель не был перепечатан.

Действительно лишь для некоторых частей тетрадей можно считать запись последовательной. 1-я тетрадь явно — по пометкам — предназначена для распределения стихотворений по журналам, и очень вероятно, что в нее первоначально было выписано все, что не было напечатано к тому времени в журналах, в том числе стихи, написанные до 1854 г.

При отпадении предположений, которыми руководствовался Никольский, хронологию стихов Фета надо признать одной из самых темных проблем его изучения.

¹⁵ Не включены неизданные отдельно переводы драм Шекспира «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь».

¹⁶ Пунктуация моя, так как у Фета, как обычно в его черновиках, нет ни одного знака препинания.

¹⁷ Указанием этой публикации я обязан любезности Г. О. Винокура.

¹⁸ Чуковский, К. И. Люди и книги 60-х годов. Л. 1934, стр. 272.

¹⁹ Чичерин, Б. Н., Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1929, стр. 145.

²⁰ Об искажении писем Тургенева см. статью Н. Л. Бродского «Фет — редактор Тургенева» («Звенья». Сборник II. М.-Л., 1933, стр. 469 сл.), писем Толстого — в публикации Н. Н. Гусева «Неизданные письма Л. Н. Толстого к А. А. Фету» («Печать и Рев.» 1927, кн. 6, стр. 53 сл.), писем Боткина — в публикации Н. М. Мендельсона «Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету» («Публ. Библ. СССР им. В. И. Ленина. Сборник II». М., 1928, стр. 64).

²¹ Архив Страхова после его смерти был унаследован его племянником, инспектором киевского реального училища И. П. Матченко. Матченко давно умер, и следы архива казались утерянными. В самое последнее время Библиотека Всеукраинской Академии Наук в Киеве приобрела часть архива Страхова, но писем Фета в этой части не оказалось.

²² Применяются сокращения: ИРЛИ — Рукоп. отд. Инст. Русской Лит. Ак Наук СССР; ВБЛ — рукописное отделение. Всес. Библ. им. В. И. Ленина; ГПБ — Рукоп. отд. Гос. Публ. Библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.